

284:(47)

92
144

ОТНОШЕНИЕ

ПРОВЕРЕНО
1950 год

Проверено—1965

28/09/
с 59

ПРОТЕСТАНТИЗМА КЪ РОССИИ

ВЪ XVI и XVII ВѢКАХЪ.

83.391 ред.

4809/14

СОЧИНЕНИЕ

ИВАНА СОКОЛОВА.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисневъ и Ю. Романъ, на Арбатѣ, домъ Каринской.

1880.

11/11
12

ОТНОШЕНИЕ

Проведено 1889

ПРОТОКОЛ СОВѢТА СВЯТЫХ ПАСТЫРЕЙ

Отъ Совѣта Московской Духовной Академіи печатать дозволяется.
22 сентября 1879 года.

Академіи Ректоръ, Протоіерей С. Смирновъ.

1889 №3.33

120811

СОДЕРЖАНІЕ.

<i>Введеніе</i>	СТР. 1
-----------------------	-----------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отношеніе протестантизма къ Сѣверо-восточной Россіи	3
--	---

ОТДѢЛЪ I-й

Внѣшнее гражданское положеніе протестантовъ въ Россіи, какъ условіе возникновенія и развитія ихъ общинъ

<i>въ центрѣ Россіи</i>	4
<i>на окраинахъ ея</i> , въ Архангельскѣ и Астрахани	31

Постепенное съ каждымъ царствованіемъ (начиная съ Василія III-го) увеличеніе числа протестантовъ въ Россіи, улучшеніе ихъ гражданского положенія и всѣхъ условій, необходимыхъ для организованія ихъ церковныхъ общинъ — преимущественно въ центрѣ Россіи. Характеръ этой вѣротеримости и ея преимущество предъ вѣротерпимостію въ западной католической Европѣ. Политическіе и культурные виды, съ какими оказывалась протестантамъ вѣротерпимость въ допетровской Руси. Новые высшіе мотивы ея со временъ Петра.

ОТДѢЛЪ II-й.

Судьбы протестантской пропаганды на Руси.

<i>Ея возможность</i> : а) со стороны мѣстныхъ протестантовъ, б) при сходствѣ нѣкоторыхъ условій въ церковнообщественной и политической жизни съ такими же условіями на западѣ и в) при доступности для нѣкоторыхъ русскихъ общаго духа и направленія протестантскаго вѣроученія—догматическаго и нравственнаго	38
<i>Средства ея</i> : проповѣдь, школы, книги, искусства и обычаи	45

Постепенный ходъ ея развитія, противодѣйствіе, оказанное ей со стороны церкви и общества, и ближайшія послѣдствія этой борьбы.

Первоначальныя дѣйствія пропаганды — преимущественно по сочиненіямъ Максима Грека: распространеніе, при посредствѣ русскаго рачіонализма, наиболѣе иконоборческихъ идей	53
Нѣкоторые успѣхи пропаганды—въ обществѣ Башкина	57
Неудачи ея—по полемическимъ сочиненіямъ Грознаго и Рокиты ..	60
Начало новыхъ „ <i>систематическихъ</i> “ дѣйствій пропаганды—по «статьямъ» священника Василя и иностраннымъ протестантскимъ извѣстіямъ	68
Попытка къ распространенію на Руси «главныхъ» протестантскихъ вѣрованій—преимущественно по антипротестантскому сборнику: «объ образѣхъ, о крестѣ, хвалѣ Божіей, хвалѣ и молитвѣ святыхъ и о иныхъ артикулѣхъ вѣры Христовы»	71
Попытка къ распространенію «остальныхъ протестантскихъ вѣрованій и учрежденій—по «Изложенію на Лютеры», Насѣдки и иностраннымъ протестантскимъ извѣстіямъ	79
Новые пропагандистическіе замыслы — по случаю сватовства датскаго королевича Вальдемара съ царевною Ириною Михайловною, направленные къ распространенію протестантскихъ вѣрованій чрезъ семейно - общественную жизнь русскихъ, но не въ настоящемъ ихъ видѣ, какъ было прежде, а въ поддѣльномъ подѣ характерѣ православія. Вызванныя этими замыслами пренія православныхъ съ Вальдемаромъ и пасторомъ Фильгоберомъ, и ихъ литературно-историческое значеніе	99
Тайное, подѣ личиною православія, пропагандированіе протестантизма чрезъ польскій энциклопедизмъ въ Россіи. Удачи и препятствія — преимущественно по сочиненіямъ Негребецкаго и Медвѣдева	123
Религіозная протестантская агитація подѣ видомъ содѣйствія гражданскимъ реформамъ Петра В. Относительныя успѣхи ея и новое сильнѣйшее противодѣйствіе ей. «Камень вѣры, Рожнецъ, Обличеніе и Показаніе ересей Лютера и Кальвина и Слово о предопредѣленіи», по отношенію ко всѣмъ предшествовавшимъ противно - лютеранскимъ сборникамъ. Противно лютеранскія проповѣди. Полемическая противопротестантская дѣятельность московской славяно - греко - латинской академіи	134
Сравнительно большія, но не долговѣчныя пріобрѣтенія пропаганды на сѣверо-западныхъ окраинахъ Россіи, совершанныя путемъ насилія, подкупа, обмана. Побѣдоносный для православія исходъ борьбы, совершившейся въ царствованіе Елисаветы, ярко обозначается на рубежѣ 17—18 вв.	160

Отношеніе протестантской пропаганды къ русскому расколу.

Отрицательное вліяніе протестантизма на возникновеніе раскола—старобрядства: усиленіе въ ревнителяхъ старинны протеста противъ вызван-

наго имъ пренебреженія къ церковной виѣшности, священнымъ обычаямъ и правамъ, преимущественно жъ противъ перенесенія на Русь выросшей на его почвѣ культуры 162

**Возможность вліянія протестантизма на образованіе мистическихъ расколь-
ническихъ сектъ:**

Хлыстовской или людей Божіихъ.....	169
Духоборческой.....	181
Молоканской	193

Сходство вѣроученія хлыстовскаго съ протестантско-квакерскимъ ученіемъ Квирина-Кульмана, духоборческаго съ чисто квакерскимъ, молоканскаго съ протестантствующимъ, Тверитяновскимъ, и — виѣшняя и внутренняя исторія сектъ, какъ основанія данныхъ предположеній. Общій выводъ ихъ: по всей вѣроятности, хлыстовщина есть слабый отпрыскъ квакерства, духоборчество — болѣе чистая отрасль его, молоканство есть возвратъ послѣдней къ чистому протестантствованію, начавшемуся на Руси въ 16 в., и представляетъ собою послѣдній его исходъ и завершеніе. Разборъ противоположныхъ мнѣній о происхожденіи мистическихъ нашихъ сектъ.

Малочисленность послѣдователей этихъ сектъ въ общей массѣ православнаго народонаселенія. Своею агитаціею въ расколѣ протестантизмъ не нанесъ существеннаго вреда православной церкви..... 199

О Т Д Ѣ Л Ъ III.

1. Вліяніе протестантизма на развитіе просвѣщенія въ Россіи.

Образовательное значеніе полуторовѣковой борьбы православныхъ съ протестантскою пропагандою: всей вообще литературной и устныхъ споровъ. Проникновеніе протестантской науки въ Россію преимущественно косвенными путями зачатковъ культуры. Настоятельныя побужденія и отчасти непосредственное содѣйствіе со стороны протестантовъ развитію духовнаго нашего просвѣщенія — параллельно съ гражданскимъ — съ пол. 17 до 18 в. Начало сближенія православной науки съ протестантскою — при Петрѣ Великомъ..... 201

Разборъ возраженій, отрицающихъ образовательное вліяніе протестантизма въ допетровской Руси..... 216

2. Вліяніе протестантизма на нравственное состояніе русскаго общества.

Деморализація протестантствующихъ и печальное нравственное состояніе народа — помимо протестантствующихъ, какъ слѣдствія другихъ историческихъ причинъ, а не культурнаго и моральнаго вліянія протестантовъ. При тогдашнемъ строѣ общественной русской нравственности, не столько слабыхъ, соблазнительныхъ сторонъ — и то по отношенію къ частнымъ, единичнымъ личностямъ, — сколько добрыхъ, поучительныхъ примѣровъ можно было находить въ протестантствѣ, особенно въ животворно-просвѣщенномъ направленіи его..... 223

3. Вліяніє протестантизму на церковно-практическую жизнь русскаго общества.

Многочисленныя и авторитетныя сужденія своихъ и заграничныхъ протестантовъ о недостаткахъ церковно-практической жизни въ Россіи, и содѣйствіе ихъ церковно-обрядовымъ исправленіямъ и преобразованіямъ, улучшенію нравственнаго и матеріальнаго положенія духовенства, совершившимся во 2-й пол. 17 в. 230

Заключеніє: дѣйствительными услугами протестантизма, уготовляемыми имъ ковами и всѣми сношеніями съ нимъ Россія воспользовалась для духовнаго своего пресіянія и улучшенія виѣшней матеріальной цивилизаціи. 241

О Т Ъ В Ъ Т

1. Вліяніє протестантизма на жизнь протестантскихъ обществъ 230

2. Вліяніє протестантизма на нравственное состояніе русскаго общества 241

валъ въ нѣмцевъ и что «надо Нѣмецкую слободу раззорить и иноземцевъ всѣхъ порубить»¹³⁵). Въ этихъ бунтахъ и вспышкахъ народнаго негодованія и подозрѣнія нельзя, однако, безусловно обвинять близорукость и косность народа; культуры, какъ мы видѣли, нельзя было заимствовать безъ проникновенія, въ нѣкоторой мѣрѣ, религиозными началами, на почвѣ которыхъ она выросла. И нашъ народный протестъ противъ иновѣрныхъ культурныхъ началъ, въ дальнѣйшей фазѣ своего развитія, усилился оттого, что широкая реформа Петра волею или неволею и больше невольню уничтожала иногда такіе обычаи, которые отнюдь не были противны просвѣщенію и тѣсно связаны были съ православіемъ, и вводила нѣчто иноземное, протестантское, чуждое духу русскаго народа и противное древнему церковному благочестію. Къ тому жъ еще по идеѣ новаго церковнаго управленія, заимствованнаго Петромъ съ извѣстнаго протестантскаго образца, унижено было духовенство, вслѣдствіе этого униженія нравственно ослабло, потеряло прежнее вліяніе на народъ, сдѣлалось раболѣпнымъ, коснѣло въ рутинѣ и въ своей, какъ бы отдѣльной отъ общества, кастѣ. Особенно тяжело и возмутительно было для религиозно-національнаго чувства народа вредное вліяніе иностранцевъ-протестантовъ, господствовавшее по смерти Петра Великаго и Екатерины 1-й при Минихѣ, Остерманѣ и Биронѣ, когда дворъ, коллегія, академія наукъ, гвардія, армія, флотъ — все подчинилось протестантамъ. Съ этого времени русскій расколъ становится протестомъ религиозно-національнаго демократизма, религиозно-народною реакціею противъ новаго правленія церковнаго и гражданскаго, устроеннаго по началамъ западныхъ протестантскихъ странъ. Нѣтъ нужды подробно раскрывать эту не совсѣмъ новую мысль, тѣмъ болѣе что мы преступили бы взятую нами грань времени. Сказаннаго, надѣмся, достаточно, чтобы видѣть, что протестантизмъ отрицательнымъ путемъ не мало способствовалъ происхожденію и развитію русскаго раскола¹³⁶).

Возможность вліянія протестантизма на образованіе раскольническихъ мистическихъ сектъ: 1) секты людей Божіихъ или хлыстовъ.

Въ жизни семейной новыя взгляды, обычаи одного наиболѣе образованнаго лица передаются обыкновенно другимъ членамъ семьи; въ жизни общественной новыя просвѣтительныя идеи, проявившіяся въ высшемъ кругу, изливаются на всѣ остальные общественные слои, въ сознаніе и жизнь частныхъ лицъ; совершенная изолированность однихъ членовъ семьи отъ другихъ, однихъ сословій отъ остальныхъ было бы аномаліею. Равнымъ образомъ въ исторической жизни всѣхъ народовъ общій духъ ве-

ликихъ научныхъ, религіозно-политическихъ реформъ, пробудившійся въ одномъ просвѣщенномъ народѣ, сообщается всѣмъ другимъ народамъ — по мѣрѣ ихъ пріемлемости; при международныхъ обычныхъ сношеніяхъ крупныя просвѣтительныя идеи не могутъ даже не передаваться отъ одного народа къ другому. Онѣ незримо наполняютъ, такъ сказать, наэлектризовываютъ всю духовную атмосферу, онѣ съ быстротою электрической искры проникаютъ самыя необъятныя пространства, въ самыя потаенныя уголки общественной и частной жизни. Въ 16 и 17 вѣкахъ, въ эпохи великихъ научныхъ и религіозно-политическихъ переворотовъ въ западной Европѣ, произведшихъ реформацію въ самой реформаціи, общій духъ реформаторскихъ стремленій не могъ не отражаться и въ Россіи. Въ соотвѣтствіе съ пробудившимся на западѣ стремленіемъ умовъ въ область мысли, духа, церковная наприм. русская реформа второй половины 17 вѣка имѣла цѣлю осмыслить, одухотворить всю церковную обрядность и внѣшность, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на развитіе религіознаго сознанія и чувства. Не говоримъ уже о заимствованныхъ съ запада реформахъ научныхъ, гражданскихъ. На западѣ усиленное реформаторское движеніе, безпредѣльное стремленіе въ область идеи, къ свободѣ мысли дошло до крайняго рационализма, мистицизма, до крайне-протестантскихъ сектъ: и въ Россіи излишнія реформаторскія стремленія легко могли вызвать появленіе крайне протестантствующихъ сектъ: ея рационализмъ и мистицизмъ, постепенно развиваясь и видоизмѣняясь подъ влияніемъ западнаго реформатскаго мистицизма и въ духѣ индивидуальныхъ особенностей частныхъ лицъ, разрѣшается, какъ намъ кажется, въ странный феноменъ хлыстовщины, духоборчества и т. д.; однѣ и тѣ же реформы — церковныя и гражданскія, возникшія подъ давленіемъ общаго реформаціоннаго духа на западѣ Европы, однихъ побуждаютъ на Руси замкнуться въ расколъ старообрядства, другихъ — отрѣшиться отъ церковной обрядности и искать религіи духовной, мистической.

Зерно или основа мистической секты людей Божіихъ, общій духъ и направленіе ученія — отверженіе обрядовой внѣшности и стремленіе къ духовному единенію съ Божествомъ — могли зародиться сами собою, какъ обычная реакція усилившейся влѣдствіе упомянутыхъ реформъ приверженности старообрядства къ буквѣ и внѣшности; но измышленіе всѣхъ подробностей догматическаго и нравственнаго ученія хлыстовъ, установленіе новой богослужбной практики, составленіе многочисленныхъ пѣсней и вообще большая часть сложнаго электическаго вѣроученія секты едва ли могла образоваться безъ пособія образованныхъ иностранныхъ сектантовъ изъ крайне протестантскихъ мистическихъ сектъ.

Кто именно изъ образованныхъ иностранныхъ сектантовъ и въ какой мѣрѣ способствовалъ дальнѣйшей организаціи секты, объ этомъ можно догадываться 1) на основаніи сходства одного изъ нихъ съ основателями и представителями секты, выразившагося въ личныхъ особенностяхъ ихъ

образа жизни, дѣятельности и въ особенности вѣроученія. Въ міеологическихъ сказаніяхъ о жизни и дѣятельности перваго ересеначальника людей Божіихъ (крестьянина Владимірской губ., Муромскаго уѣзда), Даниіла Филиппова просвѣчиваются неясныя преданія о жизни и ученіи нѣкоего Квирина Кульмана. (Квиринъ Кульманъ род. въ Бреславлѣ въ 1651 г.). Натура необыкновенно живая и впечатлительная, но органически разстроенная, человѣкъ фантазіи, жившій въ мірѣ грезъ и мечтаній, учившійся въ высшихъ школахъ «въ цесарской землѣ: въ Эрфуртѣ, въ Лейпцигѣ, Генѣ и въ иныхъ городахъ и государствахъ», но вездѣ пробавлявшійся болѣе легкою поэзією, чѣмъ серіозною наукою, эзальтаторъ и мистикъ отъ природы, по всему воспитанію и образу жизни; слушавшій уроки у всѣхъ прославленныхъ мистиковъ своего времени; Кирхія, Луллія, Лабади, Роте, Коттара, Драбиція и Бема, для распространенія ихъ мистическаго ученія прошедшій всѣ главные города Малой Азіи и западной Европы и наконецъ прибывшій въ Москву (28 апрѣля 1689 г.), Кульманъ вездѣ начиналъ свою проповѣдь съ горькихъ сѣтованій о паденіи вѣры въ Римѣ, о великомъ вавилонскомъ антихристѣ, скрывавшемся за идеєю папства¹³⁷). Міеологическій родоначальникъ хлыстовъ, Филипповъ началъ также свою проповѣдь съ сказаній о паденіи первобытной вѣры во Іерусалимѣ, а преимущественно Римѣ и о появленіи антихриста изъ монашескаго чина¹³⁸). Послѣ долготѣхъ странствованій и наблюденій, не нашедше истиннаго христіанства ни у католиковъ, ни у протестантовъ, Кульманъ выступаетъ съ проповѣдію о возвышенномъ духовномъ христіанствѣ, объ истинномъ вѣчномъ царствѣ Христа, открытіе котораго начнется съ обращенія турокъ въ христіанство, съ переселенія ихъ въ Римъ, на ихъ мѣсто 10 колѣнъ Израилевыхъ, которые также увѣруютъ во Христа; затѣмъ наступитъ конецъ міру, второе пришествіе Христа и воцареніе его надъ всѣми народами и языками. Рук. ак. л. 16¹³⁹). Хлыстовскіе ересархи учили, что для возстановленія и сохраненія истинной вѣры, послѣ постепеннаго и повсемѣстнаго ея паденія, потребно было новое и неоднократное сошествіе Бога на землю и не въ одномъ лицѣ, какъ было прежде, но во всѣхъ лицахъ Трїипостасной Троицы. И вотъ въ 1632 г. Богъ Отецъ сошелъ съ неба и сталъ видимъ въ образѣ названнаго Даниіла Филиппова, въ 1649 г. Сынъ Божій воплотился и открылся міру въ образѣ крестьянина Ивана Тимофеева Суелова (или вѣриѣ богъ отецъ Даниілъ Филипповъ передалъ божество незаконнорожденному имъ близъ города Мурома въ 1616 г. названному сыну). Послѣ нихъ еще являлись метампсихозскіе христы: Андрей, Петръ III и Селивановъ¹⁴⁰). Словомъ, Кульманъ и хлыстовскіе ересеначальники болѣе всего заняты мыслію о наступленіи царства Божія на землѣ; разница лишь въ воззрѣніяхъ о времени и способахъ открытія царства Христова: Кульманъ ждалъ открытія его чрезъ 300 лѣтъ, а у хлы-

стовъ оно уже открылось и продолжаетъ открываться чрезъ снисхожденіе всѣхъ трехъ лицъ божества въ разныхъ людяхъ; Кульманъ смотрѣлъ на царство Божіе съ болѣе возвышенной и идеальной точки, а хлысты поняли его въ слишкомъ грубой матеріальной формѣ; не уразумѣвъ мистическаго принципа объ обитаніи духа Христова въ избранныхъ, не желая отобразить въ себѣ духъ Христовъ, они думали отблесить въ себѣ только личность Христа и приближались къ пантеистической системѣ обоготворенія человѣчества или самообоготворенія. — Для приготовленія себя къ царству Христа, Кульманъ кротостію и любовію старался воспламенять въ себѣ дремлющую искру добра, а главное всецѣло внимать внутреннему слову, раздающемуся въ сердцѣ человѣка. По примѣру всѣхъ мистиковъ 17 в., Кульманъ это внутреннее слово предпочиталъ внѣшнему слову или откровенію; разсудочное знаніе о Богѣ и его отношеніяхъ къ міру ставилъ ни во что, и если оно достигалось человѣкомъ безъ искренняго раскаянія, безъ молитвы и преданія себя Богу, считалъ его пустымъ обманомъ, въ концѣ концовъ приводящимъ къ отрицанію Божества (Рук. 1, 2—3). Филипповъ и Сусловъ, для открытія на землѣ царства Божія, хотѣли водворить христіанство дѣла, самоотверженія, провести христіанскую любовь и нравственность въ самую жизнь, реализовать ихъ, хотя на дѣлѣ вышло далеко не такъ. Кромѣ любви, Филипповъ и Сусловъ заповѣдали еще своимъ послѣдователямъ сообразоваться во всемъ съ внушеніями внутренняго слова; откровенное же слово и всѣ книги совершенно отвергли, а Филипповъ всѣ понавѣсія ему книги потопилъ въ Волгѣ¹⁴¹). — Вѣря во внутреннее свое слово или откровеніе, которое дѣлаетъ не нужнымъ внѣшнее откровенное слово, легко возмечтать о себѣ, какъ о пророкѣ, духовидцѣ, святомъ и богоподобномъ человѣкѣ. Кульману еще съ девятнадцатилѣтняго возраста о всѣхъ тайнахъ открываютъ ангелы, «а не то приходятъ ему гласы во снѣ отъ самого Бога, хотя онъ никого не видитъ, но только слышитъ тѣ гласы, и иное помнитъ и иное забываетъ». Когда ему было 24 года отъ роду и онъ женился на Магдалинѣ Линдау (такой же экстатической женщиной, какъ и онъ самъ) ему явился самъ Христосъ съ тысящами тысячъ ангелъ и повелѣлъ ему написать «псалтирь прохладительную». Въ этой псалтири мечтательный духовидецъ называетъ себя святымъ, званымъ королевичемъ Божіимъ, сыномъ Сына Божія, сыномъ Христовымъ и велитъ поклоняться ему со всѣми святыми. «Да и жена его также пророчица и къ ней ангелы приходятъ и о всемъ, что дѣлается на свѣтѣ или будетъ сдѣлано, ей сказываютъ». Третья (по смерти Магдалины Линдау) жена его благородная Есфирь, послѣ шестимѣсячной беременности, чудесно родила ребенка, который по ангельскому извѣщенію долженъ быть зрячимъ свѣтъ великій, а окаменѣлымъ и непріемлющимъ ученія его презельный страхъ Рук. л. 7, 10,

11, 13, 14, 17 и 18¹⁴²). По учению хлыстовъ, каждый сектантъ, съ своимъ внутреннимъ словомъ или откровеніемъ св. Духа можетъ сдѣлаться пророкомъ, говорящимъ и дѣйствующимъ силою св. Духа и даже усыновленнымъ Сыномъ Божиимъ или Христомъ. Первый лжехристъ, Сусловъ, 12 ближайшихъ учениковъ своихъ наименовалъ апостолами, наложницу свою — богородицею и многихъ пожаловалъ въ Николинъ и въ Ильинъ образъ. И эти пророки, пророчицы или богородицы и избранные святые хлыстовъ, слышать также небесные гласы, видятъ ангеловъ и самого Бога и получаютъ небесныя откровенія. Словомъ духовидцы, пророки и христы хлыстовъ — живыя копіи духовидца, пророка князя Бога Израилева-Кульмана. Жена Сулова — богородица и ея безчисленныя преемницы-пророчицы — вѣрный снимокъ съ женъ Кульмана — пророчицъ и царицъ небеснаго іерусалима¹⁴³). — Своимъ экстатическимъ видѣніямъ и страннымъ мистическимъ убѣжденіямъ Кульманъ, къ удивленію, беззавѣтно былъ преданъ. Вся тридцатичетырехлѣтняя жизнь его есть непрерывный подвигъ, безграничное самоотверженіе. Всюду онъ терпѣлъ нищету, брань и укоризны — отъ семьи своей, гоненія отъ общества и властей; не разъ подвергалъ опасности свою жизнь, наприм.: въ качествѣ странствующаго проповѣдника, въ рубищѣ и при невѣроятныхъ лишеніяхъ и голодѣ, онъ путешествовалъ изъ Лондона въ Константинополь, Смирну, Малую Азію и Амстердамъ, и погибъ жертвою своихъ убѣжденій и миссіи. Жаль по истинѣ, что онъ служилъ утопической идеѣ и палъ жертвою собственного самообольщенія¹⁴⁴). О ересеначальникахъ хлыстовъ Филиповъ и Суловъ сложились легенды, будто перваго изъ нихъ патріархъ Никонъ 30 лѣтъ гналъ и мучилъ, втораго князь Одоевскій, по приказанію того же Никона, жегъ на маломъ огнѣ и на большомъ кострѣ и вѣшалъ на желѣзныи крюкъ¹⁴⁵). Въ легендахъ этихъ слышатся отголоски смѣшанныхъ преданій съ одной стороны о смутахъ и казняхъ, которыми сопровождалось возникновеніе раскола, а съ другой о тѣхъ пыткахъ (посредствомъ огня и крюковъ), которымъ подвергся Кульманъ при розыскахъ. Вообще эти легенды хотятъ украсить своихъ героевъ тѣмъ же ореоломъ мученичества, какимъ окруженъ Кульманъ.

Ученія Кульмана, при томъ переполохѣ, который оно вдругъ произвело, никто не разслыхалъ, не изслѣдовалъ, какъ должно. И мы напрасно стали бы искать опредѣленности и обстоятельности системы въ этомъ бреду разгоряченнаго воображенія, разстроенаго утопическими мечтами въ области религіи и политики. Насколько ученіе Кульмана поддается анализу, въ немъ, кромѣ приведенныхъ общихъ положеній, неразрывно связанныхъ съ его личною дѣятельностію и жизнію, можно подмѣчать слѣдующія частныя черты. Въ область теософіи Кульманъ внесъ немало социалистическихъ воззрѣній, сущность которыхъ состоитъ въ томъ, что въ предопредѣленное время возстановлена будетъ вѣра въ чистотѣ вре-

мень апостольскихъ, что ни національныхъ, ни религіозныхъ раздѣленій, ни сословныхъ, ни служебныхъ отличій и даже различія людей по имуществу не будетъ, но всё имущество сдѣлаются общими, сходбища и соборы будутъ общіе ¹⁴⁶). Сусловъ и его послѣдователи мечтали, что они возвратились къ чистотѣ вѣры апостольскаго вѣка; въ теоріи и на практикѣ держались тѣхъ же идей о религіозно-политическомъ объединеніи всѣхъ вѣръ и націй, преслѣдовали тѣ же коммунистическіе принципы равенства всѣхъ по правамъ и имуществамъ; сходбища и соборы, называемые тайными бесѣдами, назначались у нихъ для всѣхъ согласниковъ безъ исключенія ¹⁴⁷). — О нравственномъ ученіи Кульмана не сохранилось свѣдѣній. Его можно лишь выводить изъ практической морали мистика. Совершая очищеніе своего семейства, Кульманъ (вскорѣ послѣ первой своей женитьбы) установилъ для него усиленный постъ, общія ежедневныя молитвы (утромъ, въ полдень и вечеромъ) и пѣніе псалмовъ (рук. л. 6 и 7). Сусловъ для достиженія нравственной чистоты заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ строжайшій постъ, общественныя молитвы и пѣніе роспѣвцевъ ¹⁴⁸). Кульманъ жилъ съ первыми двумя своими женами въ духовномъ безбрачномъ союзѣ (л. 7 и 8): Сусловъ велитъ неженатымъ не жениться, а женатымъ жить съ супругами, какъ съ сестрами ¹⁴⁹). — Кульманъ съ своимъ семействомъ живетъ чрезвычайно изолированно, чуждаясь всякаго несогласнаго съ нимъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ; его коммунистическіе принципы имѣютъ лишь примѣненіе къ людямъ его секты и должны осуществиться въ неблизкомъ будущемъ (л. 10). Такой же изолированности требуетъ отъ своихъ сектантовъ и Сусловъ, заповѣдая имъ сидѣть всегда дома, не ходить на мірскія увеселенія и пиршества, водить хлѣбъ-соль лишь съ своими согласниками и не имѣть никакого общенія съ православными ¹⁵⁰). Эти строгія правила, однако, не исполнялись. Наконецъ, что касается обрядоваго ученія, то его не могло быть у такого экзальтатора и мистика, какъ Квиринъ Кульманъ: онъ прямо заявилъ, что до истеченія роковыхъ 300 лѣтъ у его вѣрныхъ послѣдователей не будетъ ни богослуженія церковнаго («костернаго дѣйства») ни духовенства, ни костела и что истинный храмъ заключается въ сердцѣ человѣка (л. 7): Сусловъ не далъ своимъ послѣдователямъ ни храмовъ, ни духовенства, отвергъ православныя храмы, всё таинства и учрежденія церковныя ¹⁵¹). — Кульмана занимала не обрядность и формальность, которая могла мѣшать превыспреннимъ пареніямъ и созерцаніямъ: кромѣ созерцаній онъ погруженъ былъ еще въ науку сочетаній, въ кругахъ Мистика Реймунда, Луллія и въ движеніи этихъ круговъ онъ искалъ разрѣшенія всѣхъ тайнъ и занимавшихъ его вопросовъ ¹⁵²). Хлысты, не исключая и самого Суслова, взяли это гораздо проще и поняли конкретнѣе: круженіе, верченіе и радѣніе у нихъ сдѣлалось главнымъ религіознымъ обрядомъ, единственнымъ, всесильнымъ

средствомъ, низводящимъ на нихъ благодать св. Духа со всѣми дарами мудрости и знанія¹⁵³).

Итакъ, вѣроученіе хлыстовъ, во всемъ, что есть въ немъ собственно мистическаго, не заимствованнаго отъ старообрядства¹⁵⁴), представляетъ удивительное сходство съ ученіемъ Кульмана, даже миѳическія черты въ жизни и дѣятельности основателей секты напоминаютъ собою загадочную личность Кульмана. Намъ кажется, что большая часть этихъ аналогическихъ чертъ, если не всѣ, взяты съ ученія и жизни этого замѣчательнаго мистика. Историческія обстоятельства того времени вполне благопріятствуютъ этому предположенію. Почва для ученія Кульмана подготовлена была на Руси задолго до прибытія его въ Россію. Главными пособниками его въ этомъ дѣлѣ были сынъ рейтарскаго подполковника живописецъ Оттонъ Генинъ и купецъ Кондратій Нордерманъ. Генинъ, во время своего путешествія изъ Москвы въ Лондонъ и Амстердамъ, въ 1679 г. сблизился съ Кульманомъ «написавъ его персону» и проникся началами его мистическаго ученія. Нордерманъ, отправившись еще въ 1669 г. изъ Москвы въ Архангельскъ, сошелся тамъ съ однимъ «дохтуромъ изъ за-морья», который былъ знакомъ съ теософіею наставника Кульманова Бѣма, получилъ отъ него нѣсколько мистическихъ книгъ и писемъ, и сталъ «ревнителемъ той ереси и чернокнижества». Генинъ и Нордерманъ приобрѣли себѣ немало послѣдователей среди иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ. Когда Кульманъ прибылъ въ Москву (27 апр. 1689 г.), его встрѣтила здѣсь толпа горячихъ почитателей, которые пустились открыто проповѣдывать его ученіе, открыли у себя поочередныя сборища и распустили по Москвѣ сочиненіе Бармута «о близости новаго царства» и «прохладительную псалтырь» Кульмана (рук. л. 10). Русскіе образованные люди едва ли остались совершенно равнодушны къ этой проповѣди. Чѣмъ фантастичнѣе жизнь Кульмана и таинственнѣе его ученіе, тѣмъ болѣе оно должно было возбуждать къ себѣ всеобщаго любопытства и удивленія; къ довершенію магическаго обаянія его личности и ученія присоединился еще трагизмъ кончины, вѣнчавшій его въ глазахъ народа ореоломъ исповѣдника и мученика. О немъ всюду узнали и заговорили: въ посольскомъ приказѣ дьяки и подъячіе, напр. Виніусъ, въ царской думѣ — князя Голицыны и Долгорукіе, въ стрѣлецкихъ полкахъ — офицеры и полковники. При тогдашнемъ настроеніи умовъ, при всеобщемъ озлобленіи противъ произвола и грабительства властей и пробудившемся сознаніи ненормальности всеобщаго рабства, при тревожныхъ ожиданіяхъ антихриста, при пламенныхъ спорахъ о вѣрѣ, о старыхъ и новыхъ книгахъ и о истинномъ пути ко спасенію, доводившихъ народъ до самосожигательства и голодной смерти, личность этого мистика, выступившаго съ пламенною проповѣдію о безусловномъ братствѣ и равенствѣ всѣхъ истинно-вѣрующихъ во Христа, а безразличіи и тщетѣ старыхъ и новыхъ книгъ, о близости

кончины міра, о истинномъ пути въ іезуелитское царство (небеснаго Іерусалима) и свое ученіе запечатлѣвшаго мученическою смертію на огнѣ всесожженія, — вполне пришлось по духу времени. Благодаря частымъ служебнымъ, общественнымъ и даже родственнымъ сношеніямъ съ иноземцами и охотному усвоенію ихъ образа жизни, обычаевъ и убѣжденій, неудивительно, что нѣкоторые изъ русскихъ усвоили религіозныя мистическія воззрѣнія Кульмана, Бэма. Правда, не смотря ни на какія пытки, Кульманъ не выдалъ ни одного приверженца своего изъ русскихъ, но онъ же показалъ, что экземпляръ своихъ сочиненій онъ отдалъ князю Борису Алексѣевичу Голицину. Генинъ, получивъ отъ Кульмана шесть мистическихъ книгъ, половину изъ нихъ роздалъ русскимъ¹⁵⁵). Повѣстный дьякъ Виніусъ, также получившій отъ Кульмана нѣсколько мистическихъ книгъ, не преминулъ случая пустить ихъ по рукамъ соотечественниковъ. И что эти книги брались не для любопытства только и прочтенія и что отъ нихъ, равно и отъ другихъ происковъ мистической пропаганды грозила опасность православнымъ, это видно изъ строгаго розыска, которому подверглись книги и личность Кульмана и его главныхъ соучастниковъ (рук. л. 13 и 14). Не удивительно, что въ числѣ ревностныхъ читателей и почитателей его были первые хлысты или люди Божіи. Очень могло быть, что главный организаторъ секты, Сусловъ, который въ то время, какъ разыгрывалась въ Москвѣ кровавая драма Кульмана (съ 28 мая по 4 окт. 1689 г.), преспокойно жилъ и пропагандировалъ тамъ въ своей «сіонской горницѣ»¹⁵⁶), заимствовалъ значительную часть своего мистическаго ученія или непосредственно отъ самого Кульмана, или отъ Кульмановскихъ іезуелитовъ, которые около 20 лѣтъ явно и тайно проповѣдывали теософію Бэма и Кульмана.

То обстоятельство, что хлыстовская ересь въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ измышлена ранѣе Кульмана миѣологическимъ Даніиломъ Филипповымъ и что въ слѣдственныхъ документахъ 1733, 1744, 1752 гг. она называется квакерскою ересью¹⁵⁷), точнѣе отпрыскомъ квакерства, нисколько не подрываетъ возможности происхожденія ея изъ того же мистическаго источника, изъ какого произошло и ученіе Кульмана, и разработки послѣднимъ подробностей ея вѣроученія. Какъ ни сложно, ни запутанно ученіе Кульмана, но въ своей догмѣ, сущность которой состоитъ въ вѣрѣ во внутреннее слово или откровеніе, въ морали, необыкновенно строгой и суровой, возбраняющей всякія зрѣлища, сообщества, онъ удержалъ общій духъ и направленіе ученія квакеровъ¹⁵⁸), квакеры жъ подъ общимъ именемъ протестантовъ, на Руси-нѣмцевъ, съ половины 17 в. во множествѣ скрывались среди лютеранъ и кальвинистовъ какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи, и, при стремленіи извѣстной части русскаго общества къ духовному, строго нравственному образу жизни, какъ противовѣсу всеобщему господству матеріальныхъ интере-

совъ, стремленіе квакеровъ къ тому же духовному, строго нравственному направленію легко могло соблазнить неопытныхъ въ духовной жизни. Если жъ лютеранскіе пасторы, наприм. Мейнке, отrekliсь отъ Кульмана предъ слѣдственной русскою комиссіею и показали, что подобныя личности не терпимы въ ихъ средѣ, то это едва ли доказываетъ, что подобныхъ сактантовъ и пропагандистовъ тогда и прежде не было на Руси: такъ могли они показать во первыхъ въ виду страшнаго костра, который тогда готовился для Кульмана, во-вторыхъ—по обычной ненависти къ несогласнымъ съ нимъ въ образѣ мыслей пропагандистамъ¹⁵⁹). Но при томъ же слѣдствіи обнаружилось, что Кульманъ съ своими послѣдователями далеко не всёмъ въ протестантскомъ московскомъ обществѣ и не всегда былъ чуждъ, что для нѣкоторыхъ партій онъ былъ свой (для кальвинскаго пастора Шондервурта и его кружка). Исповѣдь и причащеніе онъ принималъ (духовно, въ духѣ квакеровъ) въ кальвинскихъ храмахъ. Другіе квакеры, появившіеся на Руси прежде Кульмана, были еще осторожнѣе и общительнѣе съ протестантами (рук. л. 6, 21 и 22). И потому большая часть московскихъ протестантовъ не знали, что въ ихъ обществѣ скрывались потаенные квакеры. Въ Европѣ квакеры долгое время укрывались въ неизвѣстности, а между тѣмъ дѣятельно вели свою подпольную пропаганду: не удивительно, что и въ Россіи подъ фирмою покровительствуемаго правительствомъ протестантизма они распространяли свое таинственное ученіе¹⁶⁰). А потому весьма вѣроятно, что ученіе хлыстовъ, въ зернѣ своемъ возникшее ранѣе Кульмана, Нордермана и Генина, въ нѣкоторыхъ существенныхъ своихъ чертахъ взято отъ раннѣйшихъ единомышленныхъ имъ квакеровъ и что Кульману и подъ вліяніемъ его Суслову принадлежитъ дальнѣйшее наслоеніе, всестороннее развитіе, окончательная организація ученія и секты. И раннѣйшее возникновеніе нѣкоторыхъ основоположеній ея лжеученія, которыя впоследствии развилъ во всей подробности Кульманъ, могло лишь подготовить почву для этого всесторонняго развитія ея изъ однихъ и тѣхъ же началъ.

И такъ соприкосновенныя историческія обстоятельства и сходство теософіи Кульмана съ вѣроученіемъ хлыстовъ дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ происхожденіе послѣдняго отъ первой (въ большей его части.) Сходство это слишкомъ многосторонне и существенно, чтобъ его считать случайнымъ. Правда, при единствѣ природы у всѣхъ людей, внутреннія глубочайшія движенія духа, какъ нормальныя (стремленіе къ истинѣ и добру), такъ и ненормальныя—(заблужденія и страсти) совершаются по однимъ и тѣмъ же психическимъ законамъ и выражаются нерѣдко въ одинаковыхъ формахъ; на этомъ основаніи истинная и ложная религіе со внѣшней стороны представляютъ немалое сходство, многія древнѣйшія и новѣйшія ереси имѣютъ нѣкоторыя доли сродства. И

данную секту сравнивают со многими древними ересями: скопцами, непрерывно существовавшими в Греции с 11-го в., с пляшущими с духовными пѣснями, которые были в греческой церкви в XI и XII вв., с пляшущими 14 в., существовавшими в Голландіи, с средневѣковыми бичующими, с братьями и сестрами свободного духа. Мы не говоримъ уже объ отдѣльныхъ лицахъ: Симонъ Волхвъ, Манесъ, монтанистахъ, павликіанинъ Сергіи, Танкелинъ, Эвдонъ-де Стелль, Гудонъ, по духу и нравамъ ихъ близкихъ къ лжехристамъ и лжепророкамъ хлыстовъ. Но это сходство, вытекающее изъ единства и непреложности психологическихъ законовъ и ихъ обнаруженій, и не доказывающее происхожденія данной секты отъ подобныхъ ей древнѣйшихъ сектъ, слишкомъ незначительно, ничтожно и сразу же обнаруживаетъ себя. Оно ограничивается тѣмъ, что отвлечение себя отъ всего внѣшняго и стремленіе къ всецѣлому соединенію съ Божествомъ выразилось во всѣхъ сектахъ въ изступленномъ верченіи, пляскѣ или бичеваніи, и что фанатики такого рода на высшей ступени самообольщенія и гордости обыкновенно воображали себя монтанами, пророками, христами. Совсѣмъ не таково сходство нашей секты съ ученіемъ Квирина Кульмана: оно простирается не на одинъ, на два пункта и не на внѣшніе случайные признаки, какъ въ предъидущихъ случаяхъ, но обнимаетъ какъ существенныя основныя части, такъ и многочисленныя частныя подробности; это почти полная аналогія между тѣмъ и другимъ вѣроученіемъ, и основывающаяся на этой аналогіи вѣроятность происхожденія одного изъ нихъ (въ большей его части) отъ другаго исторически весьма возможна, правдоподобна.

На основаніи того же сходства или аналогіи секту людей Божіихъ выводятъ нѣкоторые изъ сектъ 16 вѣка. Но сходство ея съ позднѣйшими этими сектами слишкомъ ничтожно, аналогія слишкомъ слаба, чтобъ строить такіе выводы, да и исторической связи и преемственности ея съ этими позднѣйшими сектами совершенно не видно. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей секты людей Божіихъ производитъ ее отъ «тринадцати лестцовъ, которые, по сказанію лѣтописи, въ Польшѣ и Силезіи (ок. 1507 г.) повѣдахуся быти апостолами, и единого межъ собою нарекоша Христомъ¹⁶¹); отъ этихъ лестцовъ Суеловъ и его преемникъ Лупкинъ позаимствовались будто бы не сами лично, но чрезъ запорожскихъ казаковъ, которые жили въ сосѣдствѣ съ Польшею въ турецкихъ владѣніяхъ и съ которыми сошлись они во время воинскихъ походовъ. Къ такому заключенію историкъ приходитъ на основаніи нѣкотораго сходства божествъ у тѣхъ и другихъ сектантовъ и во вниманіе къ тому обстоятельству, что и въ позднѣе время, наприм. въ 1828 г., саратовскіе хлысты имѣли своего настоятеля не въ центрѣ Россіи, но среди запорожскихъ казаковъ, получали отъ него нужныя

книги, посылали къ нему на утвержденіе вновь избираемыхъ богородицъ и ихъ помощниковъ молеельщиковъ ¹⁶²). Съ мнѣніемъ этимъ, при всей авторитетности историка, мы позволимъ себѣ не согласиться. Въ воинскихъ походахъ, во время которыхъ можно было имѣть сношенія съ запорожскими казаками и «польскими лестцами», Лупкинъ дѣйствительно былъ, напр. въ Азовскомъ походѣ 1698 г., но заключать на основаніи свидѣтельства св. Димитрія Ростовскаго о Сусловѣ: сказуютъто го Христа *родомъ быти Турченина* ¹⁶³), что и Сусловъ также *участвовалъ въ походахъ противъ Турокъ и въ сношеніяхъ съ польскими сектантами* произвольно, а такое заключеніе основывается единственно на приведенномъ свидѣтельствѣ ¹⁶⁴). И къ чему эти придумыванья воинскихъ походовъ Сулова и сношеній его съ польскими сектантами, когда упомянутая лѣтопись еще подъ 1507 годомъ отмѣтила такъ ясно, что «лестцы сіи оттолѣ престаша сея лести?» ¹⁶⁵) Къ чему также эти догадки о неожиданномъ, почти чрезъ два столѣтія, отрыгновеніи, возрожденіи ереси и о пропикновеніи ея во внутрь Россіи невѣдомыми путями, когда исторія не представляетъ ни малѣйшаго подтвержденія на то? Внутреннее содержаніе или сходство ересей также не въ пользу такихъ догадокъ: сходство это касается лишь двухъ пунктовъ ученія: о лжехристахъ и лжеапостолахъ; всѣ же остальные подробности и начала вѣроученія представляютъ собою, можно сказать, величины не соизмѣримыя. Наконецъ сношенія саратовскихъ хлыстовъ съ запорожскими, какія встрѣчаемъ въ позднѣйшее время, нисколько не говорятъ за происхожденіе отъ послѣднихъ не только московскихъ, но и саратовскихъ хлыстовъ. Сношенія эти объясняются географическою близостью саратовскихъ и запорожскихъ хлыстовъ, большимъ удобствомъ путей сообщенія, сравнительно съ сношеніями ихъ съ сѣверомъ и центромъ Россіи, и большею безопасностью отъ преслѣдованій правительства, которое въ центрѣ Россіи гораздо зорче, чѣмъ на отдаленныхъ окраинахъ.

Хлыстовскихъ лжехристовъ, лжеапостоловъ, пророковъ и богородицъ производятъ еще отъ извѣстныхъ во время Стоглава кудесниковъ, трясущихся пророковъ и пророчицъ ¹⁶⁶); Это мнѣніе, на нашъ простой взглядъ, не лучше, не тверже предшествующаго. Кудесники, пророки и пророчицы Стоглава, которые «наги и босы, трясясь, убиваясь и распустя волосы, ходили по селамъ и по погостамъ», это — остатки грубыхъ языческихъ суевѣрій ¹⁶⁷), съ теченіемъ времени они, какъ и всѣ языческія суевѣрія, постепенно уменьшались, упразднялись. И если они не были рѣдкостью въ половинѣ 16 ст., то въ концѣ 17 вѣка, въ свѣтлую сравнительно эпоху возрожденія науки въ Россіи и вмѣстѣ въ печальное время организованія разсматриваемой секты, они отходятъ уже въ область преданій: это — было время значительнаго ослабленія суевѣрій. Далѣе отъ этихъ кудесниковъ, пророковъ, которые выдавали себя за временные,

случайные органы небесныхъ откровеній, получаемыхъ отъ явившихся имъ св. пятницъ, слишкомъ далеко до хлыстовскихъ лжехристовъ, лжеапостоловъ — этихъ постоянныхъ носителей и воплотителей Божества, которыхъ всѣ слова и дѣйствія были дѣйствіями божественными. И что общаго представляетъ ученіе тѣхъ и другихъ? Сколько извѣстно объ ученіи этихъ юродивыхъ 16 в., оно было проповѣдью о строжайшемъ соблюденіи мертвой, бездушнѣйшей обрядности, о томъ напр., чтобъ въ среду и пятницу ничего не работали; о строгой суровой нравственности не было у нихъ и рѣчи, напротивъ одни странствованія и скитальничества нагихъ, босыхъ пророковъ, жонокъ и дѣвокъ сопровождались всевозможными вакханаліями для слѣдовавшей за ними толпы народа. Въ ученіи же людей Божіихъ видимъ отверженіе всей почти обрядности, суровую до безпощадности мораль и догматика ихъ не имѣетъ для себя ничего подобнаго въ ученіи суетворъ Стоглава. Итакъ, людей Божіихъ нельзя производить и отъ русскихъ изуверовъ 16 вѣка. Вообще эта секта или точнѣе большая часть ея вѣроученія ни откуда не можетъ быть производима съ такою вѣроятностію, какъ изъ протестантско-квакерскаго ученія Кульмана.

Что отъ такихъ квакеровъ, какъ Кульманъ, люди Божіи могли заимствовать значительнѣйшую часть своей догмы и съ помощію ихъ организовать въ стройную секту, это можно видѣть изъ того, что на западѣ отъ тѣхъ же мистиковъ произошли общества, очень сходныя съ сектою людей Божіихъ. Таково во-первыхъ таинственное братство, образовавшееся въ Авиньонѣ въ 1786 г. и извѣстное подъ названіемъ народа Божія или Новаго Израіля. Здѣсь видимъ такой же персоналъ апоѳеозы, какъ у людей Божіихъ: Христа или Царя новаго Израіля, богородицу, первосвященниковъ или пророковъ. Здѣсь, какъ и у людей Божіихъ, всѣ должны безусловно покоряться пророчествамъ, какъ голосу съ неба, и, во избѣжаніе отвѣтственности предъ закономъ, наружно исполнять обряды господствующей церкви¹⁶⁸). Словомъ, братство народа Божія та же секта людей Божіихъ, только перенесенная въ среду болѣе высшаго общества, сравнительно съ русскими простолудинами. И если первая секта несомнѣнно произошла отъ квакеровъ, то смѣло можно заключать о сродствѣ происхожденія и второй секты, по крайней мѣрѣ большей части ея вѣроученія. Другое выросшее на почвѣ квакерства общество, довольно схожее съ мистическою нашею сектою, было франкмассонское, пустившее свои корни и въ Россіи (въ концѣ 18 в.). Въ образованныхъ франк-массонскихъ кружкахъ деревенскимъ мужикамъ и бѣглымъ солдатамъ, конечно, не придавали такихъ высокихъ и священныхъ именъ, и христіанское вѣроученіе такъ грубо не искажалось, какъ это было у русскихъ невѣжественныхъ хлыстовъ; всѣ предметы вѣрованій у франкмассонскихъ мистиковъ были идеализированы и научно обоснованы, какъ у западныхъ мистиковъ XVII вѣка и даже болѣе того. Но существо дѣла

вездѣ и всегда оставалось одно и то же. Позднѣйшій пророкъ людей Божіихъ, Радаевъ приводитъ нѣсколько пунктовъ ученія своихъ согласниковъ, совершенно тождественныхъ съ вѣрованіями франкмассонскихъ мистиковъ, наприм. о тайной волѣ Божіей, несходной съ закономъ писаннымъ, о безусловной преданности волѣ Божіей и водительствѣ св. Духа, о душахъ Апостольскаго состоянія, не подлежащихъ никакимъ законамъ. — Съ постепеннымъ развитіемъ западнаго мистицизма, русская мистическая секта, съ помощію его продолжала постепенно развиваться и дополняться — основаніями и доказательствами, примѣненными къ новымъ потребностямъ времени и мѣста. Тотъ же Радаевъ и современные намъ лжепророки правоту своего ученія стараются подтвердить авторитетомъ франкмассонскихъ мистиковъ. Въ свою очередь франкмассоны, даже изъ знатныхъ русскихъ вельможъ, принимали участіе въ радѣніяхъ хлыстовъ и относились къ нимъ, какъ къ своимъ единовѣрцамъ ¹⁶⁹). Вообще, та и другая секта, отторгшись отъ первоначальнаго своего родника и потекши подземными кривыми руслами, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ неоднократно сливались одна съ другою въ дальнѣйшемъ теченіи. Отъ этихъ слияній живительные токи принималъ собственно нашъ слабый отпрыскъ квакерства: каждое его сліяніе съ живоноснымъ для него и сроднымъ потокомъ тѣмъ яенѣ можетъ открывать намъ слѣды истечения его изъ одного и того-же главнаго источника — квакерства.

Возможность вліянія крайняго протестантизма на образованіе духоборческой секты.

Секта людей Божіихъ, по нашему мнѣнію, заимствовала отъ кваверовъ лишь общій тонъ и строй ученія; но практика значительно искажила и этотъ общій типъ. Одинъ изъ главныхъ, по нашему мнѣнію, организаторовъ секты Квиринъ Кульманъ, хотя по духу своего ученія ни къ одной протестантской сектѣ не подходилъ такъ близко, какъ къ квакерской, однако жъ въ цѣлой своей системѣ, въ жизни и практикѣ, не былъ совершеннымъ квакеромъ: «сверхъ квакерской ереси онъ нѣкоторую новую прелесть чернокнижествомъ своимъ возставлялъ» (рукоп. ак. л. 10). Его ученики, первые организаторы секты, по свойству русской широкой натуры, зашли еще дальше. — Грубо пантеистическое, прикрытое чудовищными образами, полное сумасбродства и богохульства ученіе ихъ, начинающая духомъ и кончающаяся плотію (низкимъ цинизмомъ), мораль ихъ, бессмысленная и дикія радѣнія, ради которыхъ отвергнута вся церковная внѣшность — не могли, однако, не возмущать ума, въ которомъ оставалась хоть искра здраваго смысла, не могли не оскорблять совѣсти, въ которой не угасло совершенно чувство истины и

добра, а это святое чувство, какъ извѣстно, весьма живуче, свѣтитъ въ глубинѣ души сквозь сумракъ грубыхъ заблужденій и страстей и выводитъ ее на путь жизни. И вотъ, изъ нѣдръ самой секты выдвигается сильная реакція ей, высказывается потребность вмѣсто этой грубой деморализующей религіи фантазіи и мистицизма создать религію разсудка, идеи, духа, исключительно внутренне очищающую и освящающую чело- вѣка, и, навѣрно изъ той же секты образуется новая секта, которая смягчаетъ прежнія крайности, сама, однако, впадая въ новыя. Вмѣсто равныхъ и тождественныхъ Богу христовъ, она признаетъ внутреннее постоянное дѣйствованіе Христа и св. Духа въ душѣ вѣрующихъ, въ которомъ (дѣйствованіи) и заключаетъ всю сущность религіи. Оскорблен- ная аномаліею прежней нравственности, она проповѣдуетъ мораль самую строгую, суровую, дотолѣ не слыханную. Возмущенная прежними не- истовыми радніями и оргіями, она отвергаетъ всѣ обряды и возвѣ- щаетъ исключительное поклоненіе Богу въ духѣ и истинѣ. Секта эта, именуемая духоборческою, можетъ быть названа болѣе чистою отраслюю квакерства, фракціею, усвоившею всю почти систему вѣрованій и учреж- деній квакеровъ.

Любопытно бы дознать, какъ могъ совершиться этотъ возвратъ отъ искаженныхъ вѣрованій квакерства къ болѣе чистымъ воззрѣніямъ его, или какъ изъ секты хлыстовъ могла выродиться квакерская секта духо- борцевъ? Изъ всего гнуснаго ученія хлыстовъ ни что столько не возбуж- дало противъ себя, какъ преданія о воплощеніи Бога въ безпутныхъ мужикахъ, солдатахъ, стрѣльцахъ, о чудесной ихъ жизни, крестныхъ страданіяхъ, воскресеніи ¹⁷⁰⁾. Извѣрившись въ эти нелѣпныя умоизступлен- ныя преданія о лжехристахъ, легко потерять вѣру въ историческаго Хри- ста, обозвавъ мѣомъ, аллегоріею всю евангельскую исторію его вопло- щенія и искупительнаго служенія. Богохульные чудовищные рассказы о невидимомъ обитаніи Божества въ лжепророкахъ, о дѣлахъ ихъ всевѣ- днія, чудотворенія, о распоряженіи Божественными дарами и обѣто- ваніями на землѣ и въ вѣчности, естественно, вызывали въ чуткихъ сердцахъ чувство крайняго негодованія ¹⁷¹⁾ и легко могли подрывать вѣру въ соотвѣтствующія евангельскія истины: въ обитаніе полноты Бо- жества въ Господѣ Искупителѣ; въ безчисленныя дѣла Его всевѣднія, всемогущества, въ Его безпредѣльную власть на небѣ и на землѣ. Но нужнѣ замѣтить, что такихъ точно сомнѣній и вѣрованій держались и квакеры, которые всю евангельскую исторію о лицѣ Иисуса Христа по- нимаютъ аллегорически о внутреннемъ своемъ христвѣ или словѣ (или присущей каждому частицѣ Божественнаго ума), о таинственномъ рож- деніи, страданіи, смерти и воскресеніи его въ человѣческомъ сердцѣ, о могущественной и безпредѣльной власти Его надъ душею и т. д. ¹⁷²⁾. Такъ какъ въ лжехристахъ и лжепророкахъ обитала яко-бы полнота

Божества, непосредственно поучающая человѣка истинѣ спасенія, то внѣшнее Богооткровенное ученіе оказывалось излишнимъ, и отринутое еще первыми ересеучителями св. писаніе замѣнили такъ называемыя пророчества лжехристовъ и лжепророковъ — общія, внушавшія всеѣмъ вообще согласникамъ непримиримую ненависть къ православной церкви, предвозвѣщавшія о скоромъ наступленіи для нихъ царства Божія, и частныя, высказывавшія предъ каждымъ радѣльщикомъ порознь похвалу его вѣрѣ, порицаніе недостатковъ и т. д. ¹⁷³). Тѣ и другія пророчества, въ римованныхъ словахъ высказывавшія совершенный вздоръ, хулы, обманъ, не могли не возбуждать въ лучшихъ людяхъ сомнѣнія и недовѣрія, негодованія и отвращенія; а отсюда уже недалеко было до желанія имѣть внѣшній критерій, — внѣшнее Богооткровенное слово, которое свидѣтельствовало-бы о истинности или ложности сообщаемыхъ имъ пророчествъ, и помогало бы имъ входить въ глубину духа, въ полноту силы внутренняго откровенія. Дойдя мало по малу до такихъ воззрѣній и вѣрованій, лучшіе изъ людей Божіихъ сходились съ квакерами, которые также не отвергаютъ совершенно внѣшнее Богооткровенное ученіе, но признаютъ его полезнымъ въ той мѣрѣ, въ какой оно обращаетъ умъ ко внутреннему слову и приводитъ ко внутреннему учителю Христу. Но понимать, толковать св. писаніе тѣ и другіе мистики, какъ мистики, наклонны аллегорически, въ таинственномъ, духовномъ смыслѣ. До новыхъ чисто-квакерскихъ воззрѣній на внутреннее и внѣшнее слово, въ которыхъ заключается вся сущность догматическаго ученія духоборцевъ, едва ли они дошли однимъ естественнымъ путемъ отрицанія хлыстовскихъ вѣрованій. Послѣ долгаго непроницаемаго мрака, они не могли вдругъ выдти къ полному свѣту истины; въ темнотѣ, оцѣпью, они искали лишь выхода изъ безысходныхъ крайностей, стремились на средній примирительный путь; но при той власти, какую имѣютъ надъ душою долговременныя вѣрованія и убѣжденія, хотя бы и ложныя, они едва ли могли обратиться на этотъ примирительный, близкій къ истинѣ путь, безъ посредства того, кто стоялъ уже на этомъ пути. А такъ какъ на этой средней примирительной точкѣ стояли, какъ мы видѣли, квакеры, то имъ естественнѣе всего было склониться на сторону квакеровъ.

Нравственное ученіе духоборцевъ и квакеровъ такъ же совершенно сходно между собою, какъ и представленные нами главные пункты догматическаго ученія. У тѣхъ и другихъ оно характеризуется безпощадною суровостію и строгостію, отреченіемъ отъ такъ называемыхъ невинныхъ удовольствій, осужденіемъ себя на все тягости и невзгоды жизни. Грубые въ обращеніи, суровые съ виду, одѣтые неряшливо, мрачные, угрюмые, они искалѣчиваютъ себя нравственно и физически. Есть основаніе полагать, что строгая стоическая мораль духоборцевъ не случайно какъ либо совпала, отождествилась съ такою же моралью квакеровъ. Если на что,

то на эту неразумную и неустанную брань съ собственной природою, со вложенными въ нее Творцемъ требованіями и стремленіями можно было рѣшиться послѣ тяжкихъ опытовъ, горькихъ разочарованій и вѣроятнѣ всего вслѣдствіе отвращенія отъ той разнузданности страстей, оргій разврата, до которыхъ дошла на практикѣ мораль хлыстовъ. Броситься изъ одной крайности въ другую, изъ безстыднаго сенсуализма въ аскетическій, можно сказать, стоицизмъ, опираясь при этомъ на такое множество искусственныхъ, придуманныхъ основаній (что напр. душа существовала и пала еще до сотворенія видимаго міра и послана въ тѣло, какъ въ темницу для наказанія) едва ли возможно было для необразованныхъ сектантовъ безъ посторонней поддержки и указки, а ее всего легче было найти у новѣйшихъ стоиковъ — квакеровъ. Дальнѣйшій естественный выводъ нравственно-политическаго ученія духоборцевъ (протекающей изъ презрѣнія ихъ ко всему вещественному, суетному) — пренебреженіе всеми чинами и отличіями, отверженіе всехъ властей не есть ли естественное слѣдствіе тѣхъ ненавистныхъ и отрицательныхъ отношеній, въ какія лучшіе изъ людей Божіихъ стали къ этимъ безчисленнымъ рангамъ и чинамъ, стоявшимъ во главѣ ихъ секты, <къ пожалованію въ Николины, Павловы и пророческіе образы>, къ обоготворенію изступленныхъ изувѣровъ, деморализаторовъ, блудницъ, богородицъ и проч., на которыхъ все молились, цѣловали руки, ноги? Чѣмъ чествовать раболѣпно всякій сбродъ властей и чиновъ священныхъ, не лучше ли было въ пылу агитаціи вовсе отвергнуть все власти и отличія? Но какъ было отвергнуть, какъ додуматься до практическаго примѣненія идеи всеобщаго братства и равенства, сопряженнаго, какъ извѣстно, со многими социальными нововведеніями и переворотами, отверженіемъ присяги и клятвы, уклоненіемъ отъ общественныхъ судовъ, воинской повинности? Додуматься, рѣшиться на такіе социальныя перевороты и реформы самимъ очень трудно, а если заимствоваться, то у кого же болѣе, какъ не у квакеровъ, у которыхъ, на ихъ же глазахъ, эти радикальныя социальныя реформы введены, придуманы, прилажены, организованы?

При сходствѣ догматическаго и нравственнаго ученія духоборцевъ съ квакерскимъ, естественно должно быть близкое сходство и въ обрядовомъ ихъ ученіи: такъ какъ религія у тѣхъ и другихъ сектантовъ состоитъ во внутреннихъ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Богу, такъ какъ внутреннихъ церковныхъ учрежденій, іерархіи, обрядности, посты, преданія и уставы церкви оказываются для нихъ излишними и совершенно отвергаются. Но если догматическое и нравственное ученіе духоборцевъ образовалось большею частію подъ вліяніемъ квакеровъ, то и взгляды ихъ на внѣшнія церковныя учрежденія сложились, по всей вѣроятности, не безъ воздѣйствія на нихъ тѣхъ же квакеровъ. Не входя въ разборъ ихъ воззрѣній

на частныя обрядовыя установленія, остановимся на радѣніяхъ, которыя въ прежней ихъ сектѣ составляли главную и единственную обрядность, замѣнявшую для нихъ все домашнія и церковныя молитвы. Общій типъ или форма радѣній взяты были отъ квакеровъ¹⁷⁴⁾, но чрезъ прибавленія и измѣненія онъ совершенно былъ искаженъ, извращенъ. Въ немъ не осталось ни одного внѣшняго знака Богопочтенія, освѣщеннаго, возвышенною идеею, проникнутаго благочестивымъ чувствомъ, одухотвореннаго благоговѣйнымъ настроеніемъ. Отъ перваго до послѣдняго эти мнимыя священнодѣйствія до крайности мелочны, суетны, наивны и не только не достойны, но и оскорбительны для служенія Высочайшему, Святѣйшему Существу. Ни одно изъ нихъ не имѣетъ для себя оправданія ни въ Священ. исторіи, ни въ словѣ Божіемъ. Если же и дѣлаются попытки къ утверженію нѣкоторыхъ изъ нихъ на примѣрахъ библейскихъ и изреченій самого Спасителя, (напр. корабельная или общественная пляска освящается у нихъ примѣромъ Давида, скакавшаго предъ сѣннымъ ковчегомъ; изнуреніе и самоистязаніе тѣла совершается будто по заповѣди Спасителя о самоотверженіи и крестѣ,) то это происходитъ или отъ невѣжественнаго непониманія или отъ злонамѣреннаго извращенія духа и смысла писанія. Въ этихъ странныхъ священнодѣйствіяхъ съ умысломъ подобраны механическія упражненія, которыя, постепенно приводя радѣльщика въ физическое изнеможеніе и безсиліе, доводятъ его до полнѣйшаго расслабленія всехъ чувствъ, до страшнаго разстройтва воображенія, до самаго напряженнаго экстатического состоянія¹⁷⁵⁾. За тѣмъ, не удивительно, если въ самый разгаръ экзальтаціи ему чудятся таинственныя видѣнія, наприм. будто въ чанѣ, вокругъ котораго совершаются обыкновенно чрезвычайныя радѣнія, колыхается вода, надъ водою подымается туманъ, а въ туманѣ сіяетъ золотистый младенецъ, при видѣ котораго радѣльщики поздравляютъ другъ друга съ видѣніемъ Христа. Излишне было бы доказывать, что видѣнія эти — одна иллюзія и галлюцинація, очень естественная при крайне-разстроеномъ и изможденномъ состояніи радѣльщика, что ни по содержанію, ни по цѣли, ни по мѣсту своему они не могутъ быть поставлены въ уровень съ чудесными видѣніями. Не говоримъ уже о ничтожности и безобразіи средствъ, употребляемыхъ для цѣлей, по видимому, высокихъ и священныхъ, о безконечной наприм. бѣготнѣ, круженіи, верченіи, маханьи, подпрыгиваньи, пролитіи потоковъ пота, совершавшихся для низведенія св. Духа на корабль или общину, о преобладаніи въ священномъ дѣлѣ Богоугожденія элемента мірскаго, постыднаго, напр. разныхъ родовъ плясокъ подъ тактъ и напѣвъ мірскихъ пѣсенъ, о свальномъ грѣхѣ и допускаемомъ большинствомъ изслѣдователей гнусномъ обрядѣ причащенія плотію и кровію дѣвицы¹⁷⁶⁾, — сцены, примѣръ для которыхъ трудно отыскать въ языческихъ мистеріяхъ и оргіяхъ! Людямъ, сколько-нибудь мыслившимъ и чувствовавшимъ, не

возможно было долго оставаться при этихъ извращенныхъ, бездушныхъ и деморализующихъ обрядахъ. Но вотъ затрудненія. Сами они не могли изобрѣсть новыхъ лучшихъ священнодѣйствій: на это, по свидѣтельству исторіи, требовались десятки, сотни лѣтъ и совокупныя усилія высокихъ, выше просвѣщенныхъ умовъ. Совсе отвергнуть обрядность и внѣшность Богопочтенія — дѣло противное природѣ человѣческой, которая сильное внутреннее чувство не можетъ не выражать во внѣ. На это своеобразный примѣръ представляли одни лишь квакеры, во всѣхъ же другихъ вѣроисповѣданіяхъ, сколько ни было въ нѣдрахъ ихъ печальныхъ раздѣленій и споровъ изъ-за обрядности, хранили и чтили обряды, какъ заветную святыню. Въ крайнемъ случаѣ отверженія обрядности, по самой его необычайности и неразвитости отвергающихъ, нужны были примѣры и руководство, которые научили бы, какъ, отрѣшившись отъ всякой внѣшности Богопочтенія, совершать внутреннее, духовное служеніе Богу. Но этотъ примѣръ новымъ нашимъ отщепенцамъ ближе всего было взять съ квакеровъ. И какъ первоначальный общій типъ радѣній перешелъ къ нимъ отъ квакеровъ, такъ и очищеніе его отъ наслоеній и искаженій удобнѣ всего могло совершиться при содѣйствіи тѣхъ же квакеровъ.

Итакъ вотъ предполагаемые пути или мотивы, по которымъ духоборцы сошлись въ вѣрованіяхъ съ квакерами не случайно, а пользуясь ихъ непосредственнымъ примѣромъ и содѣйствіемъ. Въ тѣхъ не многихъ пунктахъ, въ которыхъ духоборцы не сходятся съ квакерами, они согласны частію съ социніанами въ ученіи о св. Троицѣ, а больше съ анабаптистами: также въ ученіи о св. Троицѣ, за тѣмъ въ вѣрованіяхъ о недѣйствительности крещенія дѣтей, объ общности имущества. Сходство съ анабаптистами могло быть случайнымъ. Напр. до своего ученія о св. Троицѣ духоборцы могли дойти путемъ отрицанія хлыстовскихъ вѣрованій въ воплощеніе въ людяхъ всѣхъ трехъ лицъ св. Троицы. Не желая имѣть ничего общаго съ этими нелѣпыми вѣрованіями, они вмѣсто раздѣленія лицъ св. Троицы и грубаго олицетворенія ихъ въ чувственныхъ, конкретныхъ образахъ, легко могли слить лица св. Троицы и понимать ихъ, подобно анабаптистамъ, односторонне, духовно, какъ три душевныя способности, дѣйствія или проявленія единаго духа. Но замѣчательно, что это, предположимъ, случайное сходство въ вѣрованіяхъ анабаптистовъ и духоборцевъ простирается не болѣе какъ на три пункта; сходство же вѣроученія квакерскаго съ духоборческимъ въ восьми-девяти существенныхъ пунктахъ, — словомъ во всѣхъ, за исключеніемъ трехъ приведенныхъ, едва ли могло быть дѣломъ случайности.

Общій специфическій характеръ духоборческаго вѣроученія идеалистически философскій можетъ открыть новый свѣтъ на происхожденіе секты изъ предполагаемаго нами источника. Отверженіе внѣшней стороны религіи или видимой церкви — то же, что въ философіи отрицаніе дѣйстви-

тельнаго міра и оно перенесено въ область религіи изъ философіи. Отвергнувъ бытіе ви́шняго міра, отрѣшившись отъ всего видимаго, конкретнаго, разумъ витаетъ въ безпредѣльной пустотѣ, въ области собственныхъ мечтаній, строя различныя теоріи, предположенія: въ религіи, съ отверженіемъ видимой церкви, вѣрной хранительницы свящ. истины и съ признаніемъ внутренней церкви, существующей вездѣ и нигдѣ, остается для духа безпредѣльная пустота, безконечное поприще гаданій, предположеній, вымысловъ. Этимъ именно характеромъ запечатлѣны всѣ вѣрованія духоборцевъ. Наприм. человѣкъ у нихъ существуетъ еще до рожденія на землѣ, въ безднѣ міра довременнаго. Въ этомъ земномъ мірѣ онъ блуждаетъ какъ въ темницѣ, горитъ въ котлѣ кипящихъ стихій. Видимая природа есть облаченіе и истеченіе Божественной силы, книга съ магическими письменами, въ которыхъ можно читать тайны прошедшаго, настоящаго и будущаго. Священное писаніе есть сборникъ таинственныхъ іероглифовъ, ключъ къ уразумѣнію которыхъ даетъ внутреннее озареніе свыше. Тотъ же крайній идеализмъ и мистицизмъ съ неумолимою послѣдовательностію наложилъ свою печать на нравственное ученіе духоборцевъ. Поклоненіе идеальному, духовному, презрѣніе всего чувственнаго доходитъ у нихъ до ожесточенной войны съ природою человѣческою, до грубаго самоистязанія; мечтательныя побужденія къ добродѣтели напрягаются до того, что она превращается въ какое-то изступленіе, въ нравственный фанатизмъ до тѣхъ поръ, пока эти мечтательныя побужденія къ добродѣтели не рушатся, волненіе фанатизма не утихнетъ и превыспренняя добродѣтель не превратится въ необузданное своеволіе, явный развратъ. Нужно ли замѣчать, что русскіе самородные философы, люди слѣпой мечты и экстаза — духоборцы сами не могли выработать все разнообразіе идеалистическихъ, философски обоснованныхъ воззрѣній, построить стройную, логически вѣрную, хотя въ существѣ своемъ превратную и лживую, систему, что для этого нужно со стороны опытное и просвѣщенное руководство? А эта руководящая помощь, судя уже по сходству духоборческой теософіи съ квакерскою, могла придти къ нимъ всего ближе отъ квакеровъ.

Исторія возникновенія и распространенія секты духоборцевъ, насколько она доступна для насъ, можетъ представить новое подтвержденіе изложеннымъ догадкамъ и предположеніямъ.

Первыми организаторами секты, или по меньшей мѣрѣ, пособниками въ дѣлѣ организациі были, надо полагать, неизвѣстные по имени квакеры, которые, при посредствѣ Филипповыхъ, Сусловыхъ, положили начало сектѣ хлыстовъ, но видя въ ней извращеніе своего ученія и пользуясь возникшими въ ней и во всей русской церкви распрями, задумали образовать на Руси болѣе чистое квакерство. Первымъ явнымъ послѣдователемъ и сподручникомъ ихъ можно считать отставнаго московскаго

стрѣльца Прокопія Лупкина. Это былъ представитель партіи недовольныхъ въ средѣ людей Вожіихъ. Нѣкоторое время онъ считался христомъ и 20-ть его учениковъ назывались апостолами¹⁷⁷). Но потомъ онъ пересталъ вѣрить въ свое божество и исповѣдывалъ себя такимъ же избранникомъ Провидѣнія и органомъ непосредственнаго озаренія отъ св. Духа, какими могли быть всѣ его согласники¹⁷⁸). Сперва между хлыстами, стрѣльцами, а потомъ и въ народѣ онъ съ двадцатью своими учениками распространялъ ученіе о какомъ-то непосредственномъ въ нихъ откровеніи и внутреннемъ особенномъ нисхожденіи на нихъ св. Духа, ученіе, на которомъ держится все вѣрованіе квакеровъ и духоборцевъ. Въ какое время эти новые агитаторы образовали духоборческую секту, опредѣленно сказать нельзя. Въ 1715 г. ихъ ученіе приобрѣло себѣ явныхъ послѣдователей и упорныхъ защитниковъ, но тайно оно проникло въ русское общество гораздо ранѣе: подобно тому какъ ученіе Твритянова прикровеннымъ образомъ распространялось много прежде, чѣмъ приобрѣло себѣ открытыхъ приверженцевъ. Да и сами новые пропагандисты не скрывали, что, не смотря на строгія мѣры правительства и заключеніе ихъ самихъ въ темницы (въ томъ же 1715 г.), мнѣнія ихъ распространены во многихъ мѣстахъ Россіи. Разъ протергшись наружу, подпольныя ихъ идеи, чрезъ четверть столѣтія, развиваются и складываются въ опредѣленную систему (разчлененную на 12 приведенныхъ нами пунктовъ)¹⁷⁹). Послѣдующія системы не прибавили къ ней ничего существеннаго, а лишь нѣсколько видоизмѣнили ее извнѣ (вмѣсто 12 членовъ сдѣлали 11; какъ произошла урѣзка въ формулахъ, не извѣстно). Иностранные историки, наприм. Штраль, безспорно принимаютъ составителей этой системы (12-ти членной) за пропагандистовъ квакерско-духоборческой секты и 1734 годъ, когда она обнародована, признаютъ за начало появленія секты¹⁸⁰). Назначаемый западными историками срокъ возникновенія секты намъ представляется, однако, слишкомъ позднимъ: изъ сличенія огласившейся въ 1734 г. системы съ ученіемъ Лупкина оказывается, что она была не новая, но представляла развѣтвленіе того ученія, которое проповѣдывалъ самъ Лупкинъ и которое въ тиши и безвѣстности сохранялось уже около полувѣка¹⁸¹).

Извѣстный историкъ нашъ (г. Костомаровъ), на основаніи преданій саратовскихъ *молоканъ*, собранныхъ имъ на мѣстѣ въ 1869 г., склоняется къ мнѣнію, что духоборческая секта есть остатокъ раціоналистическаго ученія жидовствующихъ XV и XVI вѣковъ¹⁸²). Отъ жидовствующихъ не прочь производить духоборцевъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи¹⁸³). Не входя въ разборъ указанныхъ преданій, самыхъ темныхъ и сбивчивыхъ и не говоря уже о томъ, что молоканство и духоборчество, при значительномъ несходствѣ ихъ ученія, проистекають, какъ увидимъ, не изъ одного источника, мы хотимъ сказать вообще,

что мнѣніе о происхожденіи духоборчества изъ ереси жидовствующихъ заключаетъ въ себѣ самую незначительную долю правды. Такіе крупныя религіозныя перевороты, какъ реформація на западѣ и расколъ въ Россіи съ ихъ крайне протестантскими сектами совершаются послѣ длиннаго ряда подготовительныхъ движеній. На западѣ такимъ предшественникомъ протестантизма былъ гуманизмъ. Изъ гуманизма, какъ изъ зерна и корня, выросъ протестантизмъ въ двухъ главныхъ вѣтвяхъ: лютеранства и реформатства. Изъ нихъ выродились крайнія протестантскія секты соцініанъ, анабаптистовъ, квакеровъ и проч., которыя съ первоначальнымъ своимъ корнемъ находятся уже въ отдаленномъ соотношеніи и связи. Это не вершина и не вѣтви одного и того же стройнаго дерева, а отпрыски, побѣги искривленные, изломанные, имѣющіе свой корень не въ корнѣ дерева, а въ его стволѣ, вѣтвяхъ. Въ Россіи, какъ извѣстно, былъ свой гуманизмъ или рационализмъ, вскрывшійся преимущественно въ ученіи жидовствующихъ. Сѣмя русскаго рационализма также возрасло въ цѣлое дерево—въ извѣстное протестантствующее направленіе, въ области религіи и жизни, а изъ этого направленія, подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ условій и лицъ, выродилась между прочимъ крайняя протестантствующая секта духоборцевъ, и она такая же отдаленная и искривленная отрасль русскаго протестантствующаго направленія, какую представляетъ собою квакерство по отношенію къ протестантизму вообще. Тѣмъ менѣе соотношенія и связи имѣетъ она съ первоначальнымъ зерномъ названнаго направленія, съ выразившимся въ ученіи жидовствующихъ рационализмомъ. При первомъ взглядѣ на ту и другую ересь—дѣхоборцевъ и жидовствующихъ, нельзя не видѣть въ нихъ нѣкотораго сходства: и тамъ и здѣсь то же непризнаніе личной божественности Христа, отверженіе таинствъ, иконъ, постовъ, обрядовъ, то же противленіе постановленіямъ св. соборовъ, церковнымъ преданіямъ. Но это сходство незначительное, случайное, открывающееся лишь при внѣшнемъ сопоставленіи ересей, далѣе котораго, къ сожалѣнію, не идетъ означенное мнѣніе. Если же вникнуть въ духъ и характеръ ересей, сличить ихъ ученіе въ полномъ и стройномъ составѣ, то между ними откроется существенное и непримиримое различіе. Ересь жидовствующихъ, въ обоихъ своихъ видахъ—чистаго іудейства и протихристіанскаго рационализма, есть абсолютное отрицаніе всего, что есть въ религіи собственно христіанскаго: духоборчество же не отвергаетъ совершенно христіанства, хотя понимаетъ его крайне своеобразно и предпочитаетъ внѣшнему христіанству внутреннее—непосредственное дѣйствіе Христа на душу. Внимательное, безпристрастное изслѣдованіе несравненно скорѣе произведетъ духоборчество (въ большой конечно части его вѣрованій и учрежденій) изъ современнаго ему квакерства, чѣмъ изъ давно отжившей ереси жидовствующихъ: съ послѣднею не видно у духобор-

цевъ никакой исторической преемственной связи, а съ первою, при всецѣломъ сличеніи ихъ духа и характера и при строгомъ соображеніи историческихъ обстоятельствъ, можно примѣчать непрерывную связь.

Если тѣсная историческая связь существуетъ у духоборцевъ съ квакерами, помимо всѣхъ другихъ сектантовъ, если стрѣльцы первые завязали эту связь и положили начало секты, то какъ объяснить себѣ, что стрѣльцы явились столь ревностными пионерами квакерства? Всѣмъ извѣстенъ мятежный духъ и характеръ стрѣльцовъ, духъ необузданнаго своеволія, буйства, возмущавшійся противъ гражданскихъ властей и въ дѣлахъ религіозныхъ сопротивлявшійся церковному авторитету. Стѣсняемые и подавляемые мощною рукою Петра, стрѣльцы свое политическое угнетеніе думали вознаградить своеволіемъ въ области религіозной: стрѣлецкіе бунты были соединены, какъ извѣстно, съ своемысліемъ религіознымъ. Крайне вольномысленное квакерство, съ своимъ внутреннимъ непосредственнымъ откровеніемъ отъ Бога, которое ставитъ чадъ Божіихъ выше всѣхъ отнѣ данныхъ законовъ и установленій, дѣлаетъ ихъ совершенно независимыми отъ предрержащихъ властей, судіями и законодателями въ жизни церковной, общественной и частной, приходилось, по видимому, по духу этихъ суровыхъ либераловъ 17 вѣка. Если же оно не всегда благопріятствовало чувственному разгулу, то они сами, нужды ради, сдѣлаютъ премѣненіе закона; но и въ суровой его морали были кодексы, вполне подходившіе подъ ихъ произвольный чувственный характеръ, таково наприим. постановленіе о бракѣ, который совершался у квакеровъ безъ всякаго обряда, по доброй волѣ брачующихся, на честномъ словѣ взаимной вѣрности. При частыхъ соприкосновеніяхъ стрѣльцовъ съ иностранцами, среди ихъ нашли себѣ пріютъ вѣрованія самаго крайняго и разнообразнаго направленія, наприим. лютеранство съ самымъ либеральнымъ оттѣнкомъ, какъ оно выразилось въ ученіи Тверитянова, соцініанство и анабаптизм¹⁸¹). Не удивительно, что здѣсь же впервые пріютилось и квакерство, и изъ примѣси къ нему «самомудрованія стрѣлецкихъ головъ», допускаемаго «нужды ради», примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, образовалась духоборческая секта.

Если послѣ стрѣлецкихъ московскихъ слободъ главнымъ притономъ квакерско-духоборческой секты стала Украина, то на это были также свои историческія причины. Извѣстно, что злосчастную Украину долго волновали сепаративныя стремленія, въ политической атмосферѣ ея было такъ же бурно и грозно, какъ и въ общественномъ настроеніи московскихъ стрѣлецкихъ слободъ. Укрощаемая несокрушимою силою единодержавія, она силилась найти просторъ для мятежнаго своего духа въ своеволіи религіозномъ. Донскіе казаки, поборники буйной политической независимости, свободы, равенства, легко могли стать подъ знамя ученія, которое дѣлаетъ ихъ независимыми отъ гражданскихъ и церков-

ныхъ учреждений. въ которомъ каждый самъ для себя законодатель, судія и жрецъ¹⁸³).

Совокупность самобытныхъ общественныхъ условій на Руси, собственныя ея реформаторскія просвѣтительныя стремленія, бурныя либеральныя и революціонныя движенія, сходныя съ общественными условіями и стремленіями на западѣ, едва ли могли произвести въ духѣ времени одинаковыя, независимыя одно отъ другаго послѣдствія въ церковно-политической жизни — въ родѣ подобнаго, яко-бы, но не соприкосновеннаго съ квакерствомъ духоборчества. Сходство общественныхъ условій на западѣ и на Руси далеко не доходитъ до такого тождества, до какого почти дошли между собою данные результаты — квакерство и духоборчество, и въ слѣдствіи, если выводить духоборчество изъ исключительно русскихъ общественныхъ условій, было бы несравненно больше, чѣмъ сколько заключается въ причинѣ. А что аналогическія общественныя условія на Руси и на западѣ имѣли значительную долю различія и даже бѣольшую, чѣмъ сродства, доказывать это было бы излишне; можно ли наприм. сравнивать собственно-русскія скудныя научныя стремленія съ ихъ идеаломъ на западѣ, или наши революціонныя вспышки, разрѣшившіяся бунтами стрѣльцами, соловецкими, разинскими — сопоставлять съ безпредѣльною и непрерывною, религіозно-научною, либеральною волною, разлившуюся на западѣ? Сходныя въ нѣкоторыхъ незначительныхъ чертахъ общественныя условія на Руси были почвою, къ которой въ духѣ времени только и могли привиться западныя идеи; безъ этой соотвѣтствующей почвы нельзя было бы и думать о привнесеніи и возвращеніи у насъ западныхъ сродныхъ идей: безъ стремленія русскихъ къ свѣту, наукѣ, свободѣ, равноправности, безъ протеста ихъ противъ гражданскихъ и церковныхъ властей никогда не имѣло бы успѣха ученіе крайне рачіоналистическое, предоставляющее каждому полную автономію, совершенную независимость отъ гражданскихъ и церковныхъ учреждений. Не будь навѣянныхъ съ запада идей, все русское церковно-революціонное и научно-либеральное движеніе не пошло бы далѣе рукопашной расправы, нѣсколькихъ бунтовъ, узкаго старообрядства въ сферѣ церковной и, если ужъ бросаться въ послѣднюю противоположную крайность, дошло бы до голословнаго отрицанія старообрядства во имя идеи, духа религіи. Стать же въ упоръ, въ оппозицію ревнителямъ церковныхъ реформъ и ихъ противникамъ старообрядцамъ; послѣ горькаго опыта духовной очищенной религіи съ тѣнью обрядности искать религіи безъ всякой обрядности, замыкающей исключительно въ глубинѣ таинственно-просвѣщаемаго отъ Бога духа, словомъ заявить рядъ протестовъ столь своевременныхъ и послѣдовательныхъ, полныхъ глубины и силы, организовать мистически-рачіоналистическую секту, почти тождественную съ западнымъ квакерствомъ, едва ли возможно внѣ вліянія на нее западнаго рачіоналистическаго духа времени и его ближайшихъ проводниковъ-квакеровъ.

Отвѣчая духу времени, духоборческая секта входитъ наконецъ въ приглашеніе съ тѣми, противъ кого она выступила было съ своими протестами. Когда въ церкви русской происходитъ печальное раздѣленіе изъ-за внѣшности и обрядности, когда не искусные въ вѣрѣ рѣшительно теряются, гдѣ найти истину и опору, новая секта подаетъ руку примиренія, открываетъ убѣжище спасенія для обѣихъ раздѣлившихся сторонъ, всѣхъ зоветъ къ себѣ, ласкаетъ и соглашаетъ: она провозглашаетъ, что внѣшняя сторона религіи, изъ-за которой возникло столько споровъ, ничего не значитъ, важно и существенно лишь то, что совершается въ глубинѣ человеческого духа дѣйствіемъ внутренняго слова; здѣсь, во внутреннемъ святилищѣ духа совершается вся религія; здѣсь священникъ, алтарь, жертва и всѣ таинственныя дѣйствія вѣры. Далѣе, православная церковь сокращается во внѣшнихъ предѣлахъ вслѣдствіе отпаденія отъ нея раскольниковъ; отпадшіе члены не только не могутъ сплотиться въ одну церковную общину, но во взаимномъ фанатическомъ озлобленіи, изъ-за мелочныхъ внѣшнихъ пререканій, другъ друга попираютъ, уничтожаютъ: въ ученіи новыхъ отщепенцевъ-духоборцевъ является новая церковь, собирающая подъ собою всѣхъ православныхъ и отпадшихъ отъ православія, обнимающая собою всѣ безъ различія религіи и секты, объединяющая ихъ безъ всякихъ символовъ и вѣроисповѣданій единымъ всеобъемлющимъ дѣйствіемъ внутренняго слова. (Таково именно понятіе духоборцевъ о церкви.) И все это—совершенно въ духѣ ученія квакеровъ. Создать религію съ такимъ именно догматическимъ характеромъ и еще болѣе сообразовать его съ духомъ времени и потребностями общества, русскіе малообразованные сектанты едва ли были въ состояніи. Тутъ естественно предполагать участіе образованныхъ и искусныхъ пропагандистовъ, которые съ свойственною имъ чуткостію къ потребностямъ времени и движеніямъ общественнымъ, во-время подмѣтили вызванное реформами церкви волненіе, броженіе въ народѣ, его сочувствіе и противленіе реформамъ, и, постепенно раздувая это волненіе, сумѣли подбросить мятущимся свое ученіе, ловя въ свои сѣти все, что было нетвердаго, неустойчиваго въ этомъ мутномъ и бурномъ общественномъ водоворотѣ. Нужно ли прибавлять, что такіе дальновидные и искусные ловцы всегда могли найтись въ средѣ опытнѣйшихъ пропагандистовъ-квакеровъ? Итакъ строгое соотвѣтствіе вѣроученія духоборцевъ духу времени и потребностямъ общества можетъ служить новымъ доказательствомъ происхожденія его изъ предполагаемаго источника.

Не лишены значенія въ этомъ отношеніи слѣдующія обстоятельства. Въ теченіе всего 18 вѣка русскіе духоборцы, по свидѣтельству Гакстгаузена, постоянно находились въ сношеніяхъ съ квакерами Германіи и Турціи¹⁸⁶). Въ 1791 г., когда екатеринославскимъ духоборцамъ нужно было точно и систематически формулировать свое ученіе и представить исповѣданіе своей вѣры по начальству, составителемъ исповѣданія яв-

ляется у них какой-то квакеръ, учившійся въ методическихъ школахъ. Въ то же почти время, когда Савелій Иларіоновъ Капустинъ принялся до послѣдней крайности развивать духоборческіе принципы съ тѣмъ, чтобъ основать теократическое государство съ религіозно-гностическою основою, онъ проситъ наставленій у западно-европейскихъ квакеровъ¹⁸⁷). Не удивительно, что при самомъ возникновеніи секты, какъ и въ теченіе всего послѣдующаго 18 в., духоборцы заимствовали отъ квакеровъ формальныя обосновы своего ученія и самое ученіе.

Возможность вліянія протестантизма на образованіе молоканской секты.

Свои сужденія о происхожденіи духоборческой секты мы свели къ предположенію, что духоборчество представляетъ собою поворотъ къ чистымъ принципамъ квакерства, предпринятый въ виду печальныхъ уклоненій онъ нихъ сектою людей Божіихъ. Разъ начавшійся возвратъ ересей къ своему первоисточнику могъ идти дальше и дальше. Въ общемъ круговоротѣ еретическаго движенія могла выдвинуться новая секта молоканъ, представляющая собою возвратъ къ первообразному принципу обѣихъ мистическихъ сектъ, являющаяся ближайшею преемницею и продолжательницею того протестантствующаго направленія, которое около двухъ вѣковъ производило броженіе въ извѣстной средѣ. Круговоротное это блужданіе по ересямъ, по всей вѣроятности, совершалось такъ, что одни и тѣ же лица дѣлались квакерами — хлыстами, но зашедши слишкомъ далеко, приставали къ квакерамъ — духоборцамъ; не нашедши и здѣсь удовлетворенія, шли къ молоканамъ. Другіе наклонные къ сектантству рационалисты, которые со стороны, издали смотрѣли на эти гибельные переходы изъ секты въ секту, могли находить въ нихъ побужденія твердо держаться пути, поворотъ съ котораго велъ къ столь гибельнымъ послѣдствіямъ. Сравнительно твердый этотъ путь лежалъ на почвѣ укоренившагося въ извѣстной средѣ протестантствующаго направленія, послѣднимъ выразителемъ котораго былъ Тверитяновъ. Новый плодъ на старой почвѣ — рационалистическая секта молоканъ долго скрывалась въ тѣни и неизвѣстности и стала замѣтною для исторіи, когда уже организовалась въ прочно сложившееся общество.

Что секта молоканъ была наслѣдницею протестантствующаго ученія Тверитянова, продолжательницею его темнаго дѣла, — на это нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ исторіи, объ этомъ, какъ при изслѣдованіи происхожденія двухъ предшествующихъ сектъ, приходится судить съ помощію догадокъ, сравненій, сопоставленій. Это можно видѣть 1) изъ сличенія символическихъ книгъ или обрядниковъ молоканъ съ символическими

книжками или «тетрадами» Тверитянова. Въ тѣхъ и другихъ книжкахъ— одинаковый почти подборъ текстовъ, тѣ же выводы изъ текстовъ и нравственные наставленія. Разница въ нихъ незначительная, легко примиримая. Разница эта замѣчается въ порядкѣ размѣщенія текстовъ по группамъ. «Тетради» Тверитянова не отличаются послѣдовательнымъ расположеніемъ своихъ группъ или главъ. Только о клятвѣ и крестномъ знаменіи говорится въ нихъ въ отдѣльныхъ главахъ (21, 30), а то о каждомъ предметѣ трактуется въ нѣсколькихъ главахъ (о церковномъ преданіи и отеческихъ писаніяхъ въ 11—14 гл., о чудесахъ въ 15 и 16, объ ересяхъ 22 и 23 гл.) и большею частію между разнородными и отдаленными главами (о призываніи святыхъ 2—8, 19, 20, о мощахъ 9, 17 и 18, объ іерархіи 24, 27, 29)¹⁸⁸), каковая чрезполосица мыслей не можетъ быть оправдана ни съ логической, ни съ практической точки. Въ большей части обрядниковъ молоканъ мы напрасно стали бы искать также общей руководящей нити, которая связывала бы отдѣльныя части вѣроученія; но здѣсь, по крайней мѣрѣ, нѣтъ повтореній и разбросанности однѣхъ и тѣхъ же трактатій по разнымъ главамъ¹⁸⁹). Относительно содержанія въ тѣхъ же обрядникахъ и «тетрадахъ» нельзя не замѣтить той разницы, что *отдѣльно* поставленныя «въ тетрадахъ» главы: о чудесахъ, мощахъ и призываніи святыхъ въ обрядникахъ *кратко* излагаются *среди* другихъ главъ, а направленныя противъ ересей главы вообще опускаются. Но это, можно думать, потому, что по тогдашнимъ потребностямъ времени и состоянію сектантовъ не было нужды въ отдѣльной и обстоятельной аргументаціи этихъ предметовъ: непочитаніе мощей, святыхъ и проч., о чемъ такъ ратовала и чего не всегда достигала полемика протестантская въ прежнее время, теперь стало фактомъ совершившимся, общепризнаннымъ въ средѣ сектантовъ; о казни еретиковъ не могло быть рѣчи въ обрядникахъ молоканъ уже потому, что имъ жилось въ то время спокойно. Далѣе, въ обрядникахъ находимъ нѣсколько лишнихъ обрядовыхъ постановленій, какихъ не видимъ «въ тетрадахъ¹⁹⁰». Но эти дополненія по содержанію и существу своему не привносятъ собою ничего существенно новаго: и тамъ и здѣсь заповѣдуются служеніе Богу исключительно внутреннее духовное, жертвы и всеожженія сердечныя, кадило и ѳиміамъ — молитвенныя. Дополненія эти едѣланы потому, что для вновь организовавшагося религіознаго общества, долженствовавшаго имѣть и свои обрядовыя отличія, нужно было точнѣе и полнѣе регламентировать обрядовую сторону. Наконецъ, въ самыхъ «тетрадахъ» Тверитянова, со временемъ, произошли значительныя измѣненія: тѣмъ болѣе что послѣдователи его, живя долгое время разрозненно, жили при какихъ имъ угодно вѣрованіяхъ и обрядахъ, лишь бы оставались вѣрными духу его ученія, и символическія ихъ книжки переходили изъ рукъ въ руки, изъ поколѣнія въ поколѣніе не въ цѣломъ не-

прикосновенномъ ихъ видѣ, но въ отрывкахъ различнаго объема. Оттого позднѣйшія «тетради» испещрены такими вариантами и столько разнятся отъ первоначальныхъ списковъ, сколько обрядники отъ нихъ. Указанное сходство и отбѣнки различія «тетрадей и обрядниковъ» естественно наводятъ на мысль, что въ основу составленія послѣднихъ легли «тетради» Тверитянова, съ тѣми незначительными измѣненіями ихъ, наприм. исправленіями въ системѣ, какія долженъ былъ произвести смыслъ и развитость позднѣйшихъ составителей, какія находилъ нужнымъ допустить тактъ позднѣйшихъ редакцій примѣнительно къ потребностямъ времени и состоянію сектантовъ и какія должны были произойти въ нихъ по самой измѣнчивости внѣшней судьбы «тетрадей».

Если къ внѣшнему сравнительному обзору обрядниковъ и тетрадей присоединить внутренней составъ вѣроученія молоканъ и суммировать главныя вѣроисповѣдныя положенія и принципы ихъ не по однимъ обрядникамъ, а и по другимъ несомнѣннымъ вѣроисповѣднымъ памятникамъ, то предъ нами яснѣе и нагляднѣе скажется протестантскій духъ и характеръ вѣроученія молоканъ. Вотъ эти главныя положенія и принципы. Молокане вѣруютъ во единого въ Троицѣ Бога, но плоть во Христѣ признаютъ не человѣческую, а принесенную съ неба, и смерть какую-то особенную, не человѣческую. Церковь, по ихъ понятіямъ, существовала только до IV вѣка, но съ этого времени вселенскіе соборы и учителя церкви, превратнымъ толкованіемъ библіи, извратили христіанство и смѣшали его съ язычествомъ. А потому постановленія соборовъ, писанія отцевъ, а равно и преданіе церковное не пріемлются ими. Тайнства понимаются ими духовно. Крещеніе состоитъ у нихъ въ наученіи отъ слова Божія, муропомазаніе и елеосвященіе — въ духовномъ помазаніи. Нравственное ученіе ихъ опирается на протестантскомъ принципѣ христіанской свободы, на совершенной независимости ея отъ стороннихъ человѣческихъ побужденій и на принципѣ оправданія вѣроу. Даже воззрѣнія молоканъ на такія нравственно-воспитательныя учрежденія, какъ посты совершенно протестантскія. Постъ у нихъ предоставляется доброй волей каждаго: кто чувствуетъ свою грѣховность и преобладаніе плоти надъ духомъ, тотъ можетъ поститься, но тогда и такъ, когда и какъ ему вздумается. Ученіе молоканъ о богослуженіи и обрядности по духу своему протестантское, но въ частности, конечно, не можетъ не разниться съ нимъ. Все богослуженіе ихъ, по принципу, должно быть не внѣшнее или обрядовое, но внутреннее, духовное: крестное знаменіе, поклоны, молитвы, пѣсни, почитаніе иконъ и самыя храмы, какъ не имѣющіе основанія въ священномъ писаніи, признаются не обязательными, излишними, хотя на практикѣ это опредѣленіе не соблюдается въ точности: прирожденная потребность молитвы со всѣми внѣшними ея принадлежностями сильнѣе великихъ придуманныхъ принциповъ¹⁹¹). И такъ, не

смотря на нѣкоторыя частныя разности, вѣрованія и учрежденія молоканъ имѣють близкое сходство съ вѣроученіемъ протестантовъ. А такъ какъ ученіе протестантское въ такой полнотѣ сохранялось на Руси лишь у протестантствующихъ послѣдователей Тверитянова, то и поэтому смѣло можно заключить о его сродствѣ и происхожденіи отъ Тверитяновыхъ¹⁹²).

Отечественные историки большею частію опускаютъ изъ виду связь молоканъ съ Тверитяновыми и происхожденіе молоканства объясняютъ такъ: въ 70-хъ гг. 18 ст. портной борисоглѣбскаго уѣзда тамбовской губерніи Семень Уkleинъ, одинъ изъ ревностныхъ проповѣдниковъ духовборческой секты, послѣ личной размолвки съ начальникомъ ея и своимъ тестемъ Побирохинымъ, вдругъ бросаетъ жену и секту и открываетъ новую секту со многими новыми догматами, обрядами и установленіями, набираетъ себѣ приверженцевъ изъ разнородныхъ массъ и вѣръ; послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ссылки за свою пропаганду, собираетъ новыхъ приверженцевъ и соединяетъ всѣхъ въ одну общину¹⁹³). По нашему крайнему мнѣнію, такое быстрое сформированіе секты — и при томъ изъ людей не минутнаго увлеченія, ея долговѣчность и живучесть служатъ порукою, что она сложилась изъ элементовъ прочныхъ, жизненныхъ, подготовлявшихся въ теченіе долгаго времени. Какъ ни странно съ перваго взгляда сопоставлять секту въ 100,000 человекъ съ многомилліоннымъ лютеранствомъ, но при сродствѣ ихъ вѣроученія, при ихъ одинаковой живучести весьма не лишне сопоставить ихъ между собою и въ историческомъ процессѣ возникновенія ихъ. Было бы крайнею ошибкою противъ исторіи считать Лютера первымъ и единственнымъ виновникомъ протестантства, хотя оно и называется его именемъ. Какъ религиозный критицизмъ пытливыхъ умовъ, какъ всеобщій протестъ противъ церковной неурядицы, злоупотребленій, извращеній христіанства, оно давно жило въ народѣ, въ гуманистахъ, гусситахъ, виклефитахъ... Лютеру удалось оппозиціонному этому движенію дать форму церковнаго и гражданскаго сепаратизма и чрезъ то увѣковѣчить за нимъ свое имя. — Начало и зерно молоканской секты приходится отыскивать въ религиозномъ рационализмѣ русскихъ 16 вѣка. Изъ этого зерна, въ сумракѣ двухъ вѣковъ, она постепенно растетъ, зрѣетъ и оплодотворяется. Первые побѣги зерна можно примѣчать въ ересьяхъ Башкина и Косаго, стебель и развѣтвленія въ періодическихъ, протестантствующихъ направленіяхъ 17 в., главнымъ выразителемъ которыхъ выступилъ Тверитяновъ. Послѣдними созрѣвшими плодами его, доселѣ еще сохранившимися, можно назвать протестантствующія секты молоканъ. Главное различіе между русскимъ протестантствующимъ и западнымъ протестантскимъ движеніемъ состоитъ въ томъ, что на Руси не было такого лица, которое бы объединило оппозиціонныя рационалистическія движенія умовъ въ формѣ всеобщаго политическаго отпаденія, и эта роль осталась поэтому за мелкими учителями по разнымъ

губерніямъ и мѣстамъ Россіи. Къ числу такихъ частныхъ пропагандистовъ принадлежитъ и Уклеинъ. Воспользовавшись готовыми вѣрованіями и учрежденіями, существовавшими по частямъ съ 16 столѣтія и сформированными окончательно Тверитяновымъ, разсѣянно жившихъ единомышленниковъ послѣдняго онъ, можно полагать, безъ труда соединилъ подъ своимъ учительствомъ, собралъ въ одну секту, давъ имъ новое имя молоканъ (прежде жъ они извѣстны были подъ общимъ именемъ духовныхъ христіанъ). Итакъ вѣрнѣе, что ядро молоканской секты составили приемники и послѣдователи Дмитрія Тверитянова.

Вокругъ этого ядра произошло немало наслоеній,—къ молоканамъ прильнуло сравнительно много духоборцевъ и за тѣмъ субботниковъ¹⁹⁴). Какъ произошло это наслоеніе? Какимъ образомъ духоборцы воссоединились съ молоканами? Отчего не удалось имъ съ ихъ проповѣдникомъ Уклеинымъ создать независимую отъ молоканъ секту и—такъ быстро, какъ это большею частію представляютъ? Мы знаемъ, что вѣроученіе духоборцевъ, при всемъ своемъ превосходствѣ надъ вѣроученіемъ хлыстовъ, весьма далеко отъ совершенства. Одно уже сліяніе лицъ въ Богѣ, отрицаніе всемірныхъ искупительныхъ заслугъ Христа, слѣпая вѣра въ просвѣщеніе души отъ внутреннего слова; далѣе, суровая, стоически манихейская мораль въ теоріи, а на дѣлѣ полная цинизма и разврата, проповѣдуемая ею анархія и крайній социализмъ и другія вопіющія противорѣчія христіанству были слишкомъ рѣзки и поразительны, чтобъ оставаться безъисходно въ этой полунатуралистической, мистико-раціоналистической сектѣ, которая, желая сохранить глубочайшій духъ и характеръ христіанства, едва не упразднила его. Но какъ ни худы прежнія вѣрованія, по разсказамъ портнаго, который вчера былъ горячимъ защитникомъ духоборчества, а сегодня сталъ ревностнымъ проповѣдникомъ новой вѣры, духоборцы не могли же вдругъ перемѣнить религіи, да и самъ онъ, какъ человѣкъ болѣе другихъ умный, начитанный, хотя ранѣе другихъ увидѣлъ гибельныя крайности секты, не могъ однако такъ быстро разорвать всѣ связи съ нею и такъ внезапно создать новыя вѣрованія, какъ это обыкновенно представляютъ. По извѣстнымъ психологическимъ законамъ, человѣкъ доходитъ до убѣжденія въ несостоятельности своей вѣры и замѣны ея новою вѣрою путемъ сравнительнаго и тщательнаго изученія прежней и новой вѣры. Въ данномъ случаѣ сектанты тѣмъ осторожнѣе должны были быть въ перемѣнѣ своей вѣры, что непосредственно надъ собою или надъ другими несчастными сами испытали, къ чему ведутъ эти метанья и переходы изъ одной вѣры въ другую, изъ секты въ секту (изъ православія въ секту хлыстовъ, отъ хлыстовъ къ духоборцамъ), а остановившіеся на вѣрованіяхъ послѣдней секты должны были привыкнуть къ нимъ, сродниться съ ними и не безъ трепета видѣть въ нихъ вопросъ жизни и смерти, тайну временной и вѣчной

судьбы. Чтобъ выступить на путь трезваго критическаго отношенія къ своей религіи, сознать тщету прежнихъ религіозныхъ убѣжденій и замѣнить ихъ новыми, нужно было долго и долго всматриваться въ строй новой религіи, изслѣдовать ее во всѣхъ проявленіяхъ ея; въ вѣроученіи, богослуженіи, въ убѣжденіяхъ и жизни иновѣрцевъ, въ семейномъ и общественномъ быту и т. под.; нуженъ былъ рядъ долговременныхъ опытовъ, размышленій, сопоставленій прежняго религіознаго строя съ новымъ, (а одни голословныя восхваленія новой неизвѣданной вѣры не значили бы ничего), нуженъ рядъ нравственныхъ усилій и подвиговъ самоиспытанія. Не говоря уже о завѣтныхъ для сердца и непремѣняемыхъ догматическихъ вѣрованіяхъ, сколько наприм. опытовъ сравненія и сопоставленія, сколько борьбы и нравственной истомы нужно было, чтобъ этимъ духовнымъ поклонникамъ невидимаго Бога, не знавшимъ никакихъ обрядовъ и молитвъ, вдругъ приняться за усиленныя колѣнопреклоненныя молитвы, утреннія и вечернія и т. д.? Какъ трудно было этимъ сынамъ «свободы и благодати», не признававшимъ надъ собою никакой власти, никакихъ узаконеній, вдругъ преклониться предъ требованіями властей, терпѣливо нести все тягости благоустроеннаго общежитія?¹⁹⁵) Самъ Укленинъ не скоро рѣшился на такую жертву; прежде чѣмъ рѣшился на перемѣву вѣры, онъ долго изучалъ на практикѣ систему молоканскихъ или вѣриѣ Твритяновскихъ вѣрованій и учрежденій, сравнивая ихъ съ ученіемъ прежней секты¹⁹⁶). Но все эти опыты сравнительнаго изученія вѣръ духоборцы съ Укленинымъ во главѣ, по географическимъ и общественнымъ условіямъ ихъ быта, могли производить здѣсь же на мѣстѣ, надъ жившими среди ихъ молоканами или послѣдователями Твритянова¹⁹⁷). Эти послѣдніе, при неоспоримомъ превосходствѣ своихъ религіозныхъ учреждений и вѣрованій надъ духоборческими, мало по малу привлекли къ себѣ ихъ симпатіи, возбудили къ себѣ невольное тяготѣніе. И когда тѣ и другіе готовы были слиться въ одинъ религіозно-общественный составъ, Укленинъ, какъ искусный организаторъ, легко могъ соединить ихъ и, по всей вѣроятности, сформировалъ секту такъ легко, какъ обыкновенно изображаютъ это дѣло. Известно, что за годъ, за два въ тамбовской, воронежской и саратовской губерніяхъ онъ собралъ около 5,000 послѣдователей¹⁹⁸): столько сектантовъ ему едва въ пору было сплотить въ религіозно-общественный союзъ, а не возродить или обратить вновь.

Что касается до жидовствующихъ или субботниковъ, то эта секта, по своимъ вѣрованіямъ сходная съ ересью жидовствующихъ конца 15 и начала 16 в., есть внезапный гнилой отпрыскъ на прежней религіозно-раціоналистической почвѣ. Не вѣря въ Божественность Иисуса Христа, не признавая установленной имъ церкви, празднуя вмѣсто воскресенія субботу, принимая обрѣзаніе, но отвергая талмудъ, жидовствующіе или

субботники не были ни христианами, ни евреями, не имѣли подъ собою почвы, составляли странную аномалію и, разумѣется, не могли долго существовать. Какъ древняя ересь жидовствующихъ скоро исчезла, уступивъ мѣсто протестантствующему направленію 16 и 17 вв., такъ и новой сектѣ жидовствующихъ или субботниковъ, въ большинствѣ ея членовъ, суждено было слиться, поглотиться въ обновленномъ протестантствующемъ движеніи — молоканствѣ. Если ея корень, оплотъ не устоялъ противъ этого стремительнаго потока, тогда только еще начинавшаго разливаться, то тѣмъ болѣе должна была потонуть въ немъ новая слабая отрасль древней секты. Самъ главный ея вождь и наставникъ Семень Далматовъ, при первомъ напорѣ потока событій, не устоялъ, потонулъ въ немъ: послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ и бесѣдъ съ Укленнымъ сдѣлался молоканиномъ; большая часть учениковъ его послѣдовали его примѣру, подобно духовборцамъ, предварительно дошедши до сознанія несостоятельности прежней вѣры путемъ сравнительнаго и одновременнаго изученія чужой и своей вѣры¹⁹⁹). Итакъ, по всѣмъ выведеннымъ нами соображеніямъ и предположеніямъ, въ длинной цѣпи постепенно прибывавшихъ новыхъ членовъ или звѣньевъ основнымъ соединительнымъ звѣномъ были молокане; на нихъ и изъ нихъ выростали новыя звѣнья увеличивавшейся цѣпи; а всѣ молокане вообще, во всей цѣпи протестантсвовавшихъ ученій, составляютъ послѣднее завершительное звѣно; ихъ религіозныя вѣрованія и установленія — вѣнецъ и вершина всего зданія, которое созидалось и то и дѣло разрушалось на длинномъ пространствѣ времени; здѣсь развязка потаеннаго узла, который съ столь измѣнчивыми судьбами завязывался хитрыми руками.

Развязка всѣхъ хитросплетенныхъ отношеній протестантизма къ русской церкви и расколу можетъ быть сведена къ тому, что, сдѣлавъ такъ мало приобрѣтеній въ самой церкви, онъ успѣлъ вознаградить себя въ расколѣ тѣмъ, что отрицательнымъ путемъ способствовалъ возникновенію старообрядства, (усиливая въ ревнителяхъ старины противленіе церковнымъ и общественнымъ реформамъ, а главное реакцію противъ перенесенія на Русь выросшей на почвѣ протестантизма культуры). Но только способствовалъ, и всего менѣе возникновенію старообрядства: при слѣпой приверженности къ старинѣ, при узкой національной замкнутости и упорномъ противленіи культурнымъ европейскимъ заимствованіямъ, церковныя и общественныя реформы и безъ того вызвали бы расколъ въ невѣжественныхъ массахъ, и — будь эти реформы совершены при нѣкоторомъ воздѣйствіи католическаго запада, а не протестантизма, будь культура и наука пересажена къ намъ съ почвы не протестантской, а католической, — расколъ нашъ, по исконной религіозно-національной враждѣ къ католичеству, выразилъ бы болѣе сильную реакцію и принялъ бы болѣе широкіе размѣры. Равнымъ образомъ, хотя мистическія раскольническія

секты большую часть своего вѣроученія заимствовали отъ крайне-протестантскихъ сектъ, (молоканство въ нѣкоторой мѣрѣ есть русское протестантство, хлыстовщина и духоборство — квакерство на русской почвѣ, первая въ менѣ совершенномъ, второе въ болѣе совершенномъ видѣ), но главною виною образованія мистическихъ нашихъ сектъ всего правдоподобнѣе признавать не протестантское крайне рационалистическое или мистическое вліяніе, а русскія историческія и общественныя условія, вызвавшія собою реакцію сильной приверженности старообрядства къ буквѣ и внѣшности, и произведшія въ извѣстной средѣ мистическія наклонности и стремленія, безъ которыхъ не привились бы къ ней протестантскія ученія. И внѣ протестантскаго вліянія, сравнительно лучшаго, просвѣщеннаго, при крайнемъ невѣжествѣ, изувѣрствѣ народа, эти секты приняли бы болѣе уродливыя формы, болѣе пагубное направленіе, какъ видимъ то наприм. въ сектѣ самосожигателей; да изъ самихъ мистическихъ сектъ — самая худшая та, которая менѣ другихъ заимствовалась отъ протестантизма, хотя бы и крайняго, — секта людей Божіихъ. Но и въ этой области раскола завоеванія протестантскаго прозелитизма слишкомъ не велики. Въ эпоху повсемѣстныхъ побѣдъ своихъ на западѣ, на востокѣ среди русскихъ онъ не образовалъ ни одной чисто протестантской общины, а лишь могъ содѣйствовать организаціи трехъ протестантствующихъ сектъ. И эти секты вплоть до настоящаго времени всегда составляли ничтожную горсть во всей массѣ русскаго народа (молоканъ и духоборцевъ считается въ настоящее время по 100,000, хлыстовъ еще менѣ). Приобрѣтши себѣ столь незначительную добычу, протестантизмъ не панесъ существеннаго вреда православной церкви.

Но и эта незначительная добыча досталась ему не безъ борьбы. Мы не касались противодѣйствія со стороны православной, какое онъ встрѣтилъ при своей агитаціи въ раскольнической средѣ: полемика эта происходила внѣ предѣловъ 17 вѣка; но мы видѣли пламенную неустанную борьбу, которая шла чрезъ всю исторію протестантской пропаганды на Руси вплоть до 18 вѣка. Борьба эта и всѣ соприкосновенія протестантизма съ православіемъ были весьма полезны въ дѣлѣ возрожденія и развитія просвѣщенія на Руси.